

ТЁМНАЯ ВОДА

The illustration is a dark, atmospheric scene set in a forest. In the foreground, a young girl with blonde hair, wearing a light blue dress and a crown of small white flowers, stands with her back to the viewer. She is looking up towards a large, dark, shadowy figure that looms over her. The figure has the shape of a wolf or a large dog, but its features are indistinct, blending into the dark background. A single, bright red eye glows from the figure's face, creating a focal point of light. The forest is dense with dark trees and foliage, and the ground is covered in leaves and twigs. The overall color palette is dominated by dark greens, blues, and blacks, with the red eye providing a stark contrast.

ТАТЬЯНА КОРСАКОВА

Татьяна Корсакова

Темная вода

Серия «Королева мистического романа»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48411636

Аннотация

Это мрачное, затерянное в лесах озеро не зря носит название Темная вода. В нем не плещется рыба, не летают над ним птицы, а в округе, как рассказывают местные жители, бродит ужасная красноглазая тварь. Никто не рискует селиться в проклятом месте.

Не по своей воле приехала сюда Нина вместе с маленьким сыном. Они бегут от опасности, преследующей их по пятам, вот только спасение или еще большие неприятности ждут беглецов у Темной воды, да еще в русалью неделю, когда грань между мирами истончается и наступает время темных сил?..

Татьяна Корсакова

Темная вода

© Корсакова Т., 2019

* * *

Интернет и навигатор подвели. И тот, и другой обещали Нине легкую прогулку по торной дороге. Не обманула лишь толстомордая тетка в кассе автовокзала. Сплеывая в горсть шелуху от семечек и поглядывая на Нину снисходительно и вместе с тем раздраженно, тетка сказала правду:

– В Загорини рейса сегодня не будет!

– Как это не будет? – Нина смертельно устала за эти почти двое суток пути. Хотелось лишь одного: лечь и не шевелиться. Может, она бы так и сделала, если бы не Темка. Темка стоял рядом, одной рукой крепко держал Нину за штанину джинсов, а второй цеплялся за лямку рюкзака. – А как же местные туда добираются?

– Как умеют, так и добираются. – Тетка-кассир поправила пышную грудь, вздохнула о чем-то своем. – Кто как!

– А варианты? – Нина все еще надеялась на варианты и здравый смысл. Нужно же было надеяться хоть на что-нибудь!

– Какие варианты?! – Раздражения в теткинском голосе ста-

ло заметно больше, чем снисхождения. Тетке они с Темкой начали надоедать. – Пешкодралом – вот ваши варианты! – Она перевалилась через стойку, глянула на Темку, и голос ее чуть потеплел: – До окраины можно на рейсовом городском, а там ножками. Или попутку какую словите. Если сердобольный кто попадется, так и денег не возьмет.

Если сердобольный... Давненько в Нининой жизни не встречались сердобольные. Всякие-разные встречались, кроме сердобольных. И силы ее уже на исходе. И ее, и Темкины...

– Может быть, гостиница? – спросила она с надеждой. Если силы на исходе, то их стоит накопить, передохнуть перед финальным рывком. А в Загорины можно и завтра, с утренним рейсом.

– Гостиница? – Выщипанные в нитку теткины брови взметнулись в неподдельном изумлении. – Какая в нашем захолустье гостиница?! Пять лет уже как закрыта.

– А как же нам?.. – Вопрос был риторический, но тетка на него ответила:

– Я же сказала как. Пешкодралом. К вечеру, глядишь, и дотопаете.

К вечеру. А сейчас на часах – пятнадцать тридцать. Уточнить бы еще, когда в этом медвежьем углу начинается вечер. Но Нина не стала.

– Темка, пойдем. – Она не без труда оторвала от земли рюкзак, взяла сына за руку.

Отошли они недалеко, примостились на лавочке в тени старого вяза.

– Мороженое хочешь?

Тема кивнул. Можно было и не спрашивать, четырехлетние мужики не отказываются от мороженого. А ей нужно купить воды. Если повезет, то холодной. А потом свериться с навигатором. Сейчас, пока еще есть доступ к интернету. Что-то подсказывало Нине, что доступ этот может закончиться в любой момент.

Получалось, что от конечной городской остановки до Загорин не то чтобы рукой подать, но и не так уж далеко. Шесть километров вот по этой, почти прямой дороге. Без Темки да в былые годы Нина преодолела бы это расстояние на раз-два, а сейчас придется потратить пару часов. Всяко лучше, чем ночевать с ребенком на вокзале.

Вот только навигатор обманул! Прямой путь оказался далеко не самым торным и, кажется, совсем неиспользуемым. А ведь была другая дорога, раза в два длиннее, но, по все-му видать, куда более востребованная. Вернуться бы, начать путь сначала. Но сколько ж можно мотаться туда-сюда с маленьким ребенком...

– Темка, ты как? – Нина присела перед сыном на корточки, заглянула в глаза. Ответа она не ждала, ей хватило взгляда. Темка был готов терпеть невзгоды и лишения. – Я не смогу взять тебя на руки, сына.

Не сможет. Если только на плечи, но за плечами – рюкзак.

А навигатор врет...

Сын привычным жестом взял Нину за штанину, потянул за собой. Славный мальчик. Еще совсем кроха, но уже почти мужчина. Должно же было в ее жизни случиться хоть что-то хорошее! И вот случился Тема.

Если бы не усталость и не рюкзак, который наливался свинцовой тяжестью с каждым шагом, эта дорога могла бы показаться приятной. Легкий ветерок, пение птиц, тонкий аромат луговых трав. Еще бы тучку, чтобы спрятать солнце хоть на время, а еще лучше до конца пути. С тучкой стало бы не так жарко, не так утомительно. Но на то оно и лето, чтобы солнце светило вовсю. Придется терпеть.

Запряженную в телегу пегую лошадку первым увидел Тема. Увидел и требовательно дернул Нину за руку, заставляя остановиться и обернуться. И телега, и лошадка, и управляющий ею мужичок были еще далеко и казались игрушечными. Но если подождать... Тема никогда не катался на лошади. Сама она, кстати, тоже.

Ждать пришлось недолго. Нина только и успела, что напоить водой сына и сделать пару глотков из пластиковой бутылки.

– Это кто у нас тут?

Мужичок при ближайшем рассмотрении оказался дедом, с виду еще вполне себе бодрым и крепким. Полинявший от солнца льняной картуз он залихватским движением сбил на затылок, поскреб редкую рыжую бороду. Лошадка громко

фыркнула, зашлепала губами и потянулась к Теме. От этакого дива сын замер с открытым ртом, но не испугался, даже погладил лошадку по носу.

– Не бойсь, малец! – сказал дед весело. – Моя Натуська мелюзгу не обижает.

Тема его не слушал, Тема обеими руками обхватил лошадку Натуську за морду.

– И ты не бойсь, девка. – Дед перевел взгляд с Темы на Нину. – Натуська дисциплине обучена, разумеет, что к чему. А вот пусть твой малец ее угостит! – На шершавой дедовой ладони как по волшебству появился кусочек рафинада, и Натуська тут же раздула ноздри. Наверное, в предвкушении. – Давай-ка, малец, подставляй руку. – Дед ловко выбрался с телеги, встал рядом с Темкой. – Сначала мне подставляй, потом ей. Очень она это дело уважает.

Дважды просить не пришлось ни Темку, ни Натуську, а дед уже снова с внимательным прищуром смотрел на Нину.

– Куда это ты, красавица, с малым дитем да по такой глухомани?

– В Загорины. Вы нас не подбросите? – Быка нужно было брать за рога. Или Натуську за гриву.

– В Загорины?! – Дед присвистнул. – Не ту дорогу ты выбрала, красавица. Считай, повезло, что меня встретили. Машины тут не ездят, а пешком бы вам с мальцом еще пилить да пилить.

– Я это уже поняла. – А еще она поняла, что дед их с Тем-

кой в беде не бросит, и сразу стало как-то легче дышать. Хотя дышать полной грудью у Нины в последние два дня не получалось. Как и не получалось крепко обнять Темку. Но об этом сейчас думать не нужно. Сейчас лучше думать о том, что цель близка и скоро они с сыном смогут наконец передохнуть.

– Ну, коли в Загорины, так залезайте. Подвезу! Давай-ка, малец, подмогну! – Дед сделал шаг к Теме, но Нина заступила ему дорогу.

– Я сама. Спасибо.

У нее хватило сил и на то, чтобы посадить сына в телегу, и на то, чтобы забраться самой, и на то, чтобы не застонать от боли. Все хорошо. Цель близка.

– Ну, сама так сама. – Дед глянул на нее искоса и тоже утвердился в телеге, легонько потянул за вожжи, прикрикнул: – Натуська, вперед!

Пару минут ехали в молчании. Этого Нине хватило, чтобы прийти в себя и восстановить дыхание. А еще помогла таблетка обезболивающего, украдкой запитая минералкой.

– Меня Семен Петровичем звать. – Дед заговорил первым, снова искоса глянул на Нину. – А ты кто такая будешь, красавица? По виду не из местных. Местных-то я всех знаю. Из дачников, что ли?

Можно было соврать, что из дачников, но Нина не стала. Ей еще здесь жить. Возможно, не один месяц.

– Мы к Ольге Васильевне Шипциной. Вы знаете такую?

– К Шипичихе, что ли?! – Семен Петрович утерся картузом, который снова водрузил на макушку. – Так кто не знает Шипичиху?! Та еще ведьма, я тебе скажу. – Он осекся, фыркнул почти так же, как Натуська, и спросил: – А кто она вам? Что-то я не припоминаю, чтобы у Шипичихи родня была.

– Мы знакомые. Старые знакомые.

– Старые. – Семен Петрович усмехнулся. – Ну, Шипичиха так та точно не молодка. Хотя были времена...

Он замолчал. Наверное, задумался о былых временах. Нина тоже задумалась. Ей много предстояло обдумать и многое решить. Вот хотя бы что сказать загадочной Шипичихе, с которой они если и были знакомы, то так давно, что Нина успела все забыть.

...Она многое забыла, почти все. Если бы не потрепанная картонная папка с документами, она бы не вспомнила ни про Загорины, ни про Шипичиху, ни про... дом. Сказать по правде, в прошлой жизни папка эта Нину раздражала, как раздражает путника острый камешек в сандалии. Выбросить бы и забыть окончательно. Но кто-то мудрый когда-то сказал, что запас беды не чинит, и Нина документы сохранила. Вот только папку запрятала так далеко, что, когда случилась та самая беда, едва ее отыскала. Но отыскала, и слава богу! А дальше уж как-нибудь. Ей бы поспать. Хотя бы прилечь на часок. Почти двое суток без сна вымотали ее донельзя. На ногах Нина держалась только благодаря анальгетикам и силе

воли, обычных сил почти не осталось.

Кажется, она и задремала, уткнулась лбом в рюкзак, прикрыла на мгновение глаза, а когда открыла, все вокруг изменилось. Не было больше луга с травой по пояс, дорога теперь змеилась между вековыми соснами с «подшерстком» из молодых осин и берез. Лес был густой, древний, но одновременно светлый. Солнце прорывалось сквозь разлапистые сосновые ветки до самой земли, рассыпало яркие пятна по зеленой моховой подложке, золотило и заставляло сочиться смолой стволы сосен. Пахло вкусно: немного этой самой смолой, немного сырой землей, немного травами.

– Придремала? – Семен Петрович глянул на нее через плечо. Ответа он не ждал, просто констатировал факт.

– Придремала. – Нина хотела было потянуться, но вовремя остановилась. – А долго еще? – спросила, оглядываясь по сторонам.

– Скоро уже. Да вот, считай, приехали.

Впереди и в самом деле посветлело, сосны отступили от дороги. Да и сама дорога сделалась шире и презентабельнее. А вдалеке уже виднелась деревня. Самое ее начало: дома под покатыми крышами, палисадники с кустами сирени и жасмина. Значит, и в самом деле почти приехали.

– Шипичиха как раз на окраине обитает. – Семен Петрович снова утерся картузом, словно встреча с Шипичихой была для него тем еще испытанием. – Наособицу живет. Всегда нелюдимой была, а под старость лет так и вовсе одичала. Я

вас это... я вас высажу у ее дома, а сам того... по делам поеду. Лады, красавица?

– Конечно! Спасибо вам большое, Семен Петрович. Вы нас очень выручили.

– Выручил... – проворчал он себе под нос. – Это еще подумать нужно, выручил али в самое логово к старой монстре привез.

Нине хотелось сказать, что Семен Петрович не видел настоящих монстров, не имел с ними дела, но она не стала, вместо этого попыталась сунуть деду денег, но тот неожиданно отказался, кажется, даже оскорбился.

– Ты сдурела, девка?! Кто ж за такое деньги берет? Ну, выручил и выручил. Нам с Натуськой не в тягость, а мальцу твоему забава. Ты думаешь, это я Натуськой правил, пока ты спала? Нет, это он Натуськой правил. – Семен Петрович подмигнул Темке. – Натуська у меня мировая лошадь, считай, боевая подруга. Понимает меня получше, чем иная баба своего мужика. Так-то! Ну, вот мы и приехали. Вона ее логово! – Он указал рукой на выглядывающую из-за зарослей шиповника избушку. С виду избушка совсем не походила на логово монстры. Впрочем, на пряничный домик она тоже не была похожа. Наверное, из-за своей очевидной, бросающейся в глаза старости. И только ярко-голубой забор палисадника выбивался из общей картины запустения. Забор был явно новый, свежеекрашенный.

С телеги Темка спрыгнул сам, Нине осталось лишь стя-

нуть на землю рюкзак. Вот они и добрались. Куда добрались, пока неясно, но ждать осталось недолго.

Покосившаяся деревянная калитка была не заперта, но войти Нина не решилась. Из щели между калиткой и землей за ними внимательно и сторожко наблюдала собака. Сначала просто смотрела, а потом зашлась звонким лаем. Темка вздрогнул, вцепился в Нинину руку.

– Не бойся! – Судя по голосу, собака была некрупной, но Нина на всякий случай задвинула сына себе за спину. – Ты только не бойся, Темка. Сейчас она замолчит.

А и правда замолчала. Тявкнула в последний раз и затихла. Зато тут же послышался сиплый старушечий голос:

– Чего брешешь, Найда?! Кого там нелегкая принесла?

Нелегкая принесла их с Темкой. Принесла и бросила на пороге вот этого старого, неприветливого дома. Теперь уж только вперед, назад им дороги нет.

– Здравствуйте! – сказала Нина громко и рукой приветственно взмахнула. Просто так, на всякий случай. – Можно вас побеспокоить?

Получалось некрасиво и жалко. Типа сами мы не местные, помогите, чем можете.

– Нельзя! – буркнула невидимая старуха и решительно распахнула калитку. – Нельзя меня бес... – Она не договорила, уставилась на Нину с Темкой очень внимательным, не по-стариковски острым взглядом.

Сама она была рослой, даже высокой. Время оставило сле-

ды на ее испещренном глубокими морщинами лице, иссушило кожу, но пощадило осанку. Наверное, в молодости она была красива. Даже наверняка красива. Но характер... Что там говорил Семен Петрович про монстру?..

– Заходите! – велела вдруг старуха и пошире распахнула калитку. – Найда, свои! – сказала, проходя мимо некрупной, лохматой собачонки, и, не оборачиваясь, добавила: – Не чаяла я тебя тут увидеть.

Не чаяла. Нина и сама не чаяла, но так уж вышло, так уж жизнь распорядилась. Что уж теперь?

Не выпуская Темкину руку, она аккуратно прикрыла калитку, по узкой тропинке прошла вслед за хозяйкой к покосившемуся крыльцу. Собака Найда молча потрусила следом.

– Мешок свой тут кидай! – велела Шипичиха. По всему видать, это была именно она. – Руки мойте. – Она кивнула на железный рукомойник, прибитый прямо к стене дома. – И входите.

И снова она не стала их дожидаться, исчезла в полумраке сеней, загрохотала чем-то железным.

Руки мыли долго. Темке было интересно, как работает рукомойник. Не видел он в своей городской жизни такого дива. Пришлось показывать и объяснять, а потом почти силой тащить сына в сени. Рукомойник его впечатлил!

В сенях было прохладно. Двигаться пришлось почти на ощупь, после яркого солнца глаза не сразу привыкли к полумраку. Но стоило только переступить порог комнаты, как

свет снова взял верх над темнотой. Здесь было чисто и уютно. Свежепобеленная печь белым пятном выделялась на фоне старых обоев в цветочек. Занавески на окне тоже были белые, с вышивкой. За ними мерно гудела оса, искала выход. На подоконнике стоял цветущий куст герани. Даже на расстоянии Ника почувствовала его острый металлический аромат. В ее доме никогда не было герани. В ее доме вообще не было живых цветов, но этот аромат оказался ей откуда-то знаком.

– Садитесь! Сейчас есть будем. – Шипичиха указала на стол, застеленный клеенчатой скатертью, придвинула к Темке высокий самодельный табурет. – Как звать? – спросила, отходя к печи.

– Нина.

– Не тебя. Малого как звать?

– Тема. Артемий. – Не то чтобы старуха ее пугала, но вот эта манера общения... К ней еще нужно было привыкнуть.

– Значит, пацан. – Старуха возилась у печи, а Темка смотрел на нее во все глаза. Для Темки печь была сродни рукомоЙнику и лошадке Натуське – неведомое и страшно интересное. Нина тоже смотрела. Разговор о самом главном им еще предстоял, но Шипичиха явно не спешила его начинать. Шипичиха не спешила, а сама Нина отчего-то боялась. – Ну, пацан – это даже хорошо. Может, и обойдет стороной...

Что обойдет стороной? Спросить бы, да только сил нет. Силы истаяли в тот самый момент, как Нина устало опусти-

лась на второй самодельный табурет. Опустилась, притулилась плечом к стене, замерла. Еще бы глаза закрыть.

– Эй, ты не спи, не спи!

Кажется, глаза она все-таки закрыла. Мало того, что закрыла, так еще и задремала. Потому что, когда очнулась, стол был уже накрыт, а старуха сидела напротив, сверлила тяжелым, пристальным взглядом.

– Ешь! – Она придвинула к Нине тарелку с яичницей, посыпанной мелко нарезанным укропом. Темка уже уплетал свою порцию, вид у него был совершенно счастливый. Может, и обойдет стороной...

Нина дернулась, больно приложилась боком к краю стола, застонала. Старуха молча покачала головой и так же молча вернулась к печи, вытащила из ее черного нутра исходящий паром чугунок, бросила в него щепотку какой-то травы, снова сунула чугунок в печь.

– Плохо, – сказала, возвращаясь обратно к столу.

– Что – плохо? – Боль в боку уже почти унялась, а когда удастся выпить обезболивающего, станет совсем хорошо. Хотя бы на время.

– Плохо, что ты вернулась, Нина. Сама вернулась, малого привезла...

Она узнала ее сразу, поняла, кто явился непрошеным гостем на порог. Вот только откуда? Они не виделись раньше. А если и виделись, то так давно, что Нина уже успела забыть. Она забыла, а старуха, значит, помнила. Мало того, сумела

распознать в незнакомой приبلудной девице ту маленькую девочку, которой Нина когда-то была.

– Нам больше некуда деваться. – Не нужно оправдываться. Ей нужно лишь забрать у Шипичихи ключ и разузнать дорогу. Она пришла за своим, и содержимое картонной папки – лучшее тому доказательство. Но вот сидит, заедает нерезально оранжевый желток круто посоленной краюхой черного хлеба и оправдывается. Перед чужим человеком оправдывается. Это от усталости. Потеряла бдительность и контроль, расслабилась.

– Думаешь, это хорошее место? – Шипичиха усмехнулась, а потом ловким движением прихлопнула осу полотенцем.

Екнуло сердце. То ли от неожиданности, то ли от неопределенности.

– Думаю, это единственное место, – сказала Нина тихо.

– Единственное место для чего? – Шипичиха не договорила, многозначительно глянула на Темку.

– Для меня. – Получилось коротко и решительно. – И выбора у меня другого нет.

– Выбора, значит, нет. А деньги?

– А деньги есть.

У нее и правда были деньги. Достаточно, чтобы начать новую жизнь и продержаться на плаву хотя бы первое время.

– Почти четверть века там никто не жил. – Старуха говорила задумчиво, ни на Темку, ни на Нину больше не смотрела. – Я приглядывала поначалу, пока силы имелись. А потом

решила, что никто больше не вернется.

– Я вернулась.

– Вижу.

– Его разграбили, да?

– Разграбили? – Шипичиха усмехнулась. – Кто ж туда сунется? В такой-то дом...

Такой дом... А что в нем такого? Старый? Ветхий? Еще более старый и ветхий, чем вот эта избушка? Сердце сжалось, но не от испуга, а от какого-то другого, пока еще не до конца понятного чувства. Ничего! Они справятся! Они и не с таким справлялись. Пытаются справиться...

– А он далеко?

– Дом-то?

– Дом.

– Ну, как сказать? Кому-то далеко, а кому-то рукой подать.

Загадки. Ей вот еще загадок не хватает. Нет, Нина не ждет от этой незнакомой женщины помощи, но и шарады сейчас ни к чему.

– На-ка, выпей! – Шипичиха поставила перед Темой стакан с молоком. – Выпей да глянь-ка, что у меня есть!

На столе, будто из ниоткуда, появилась проржавевшая по краю ребер металлическая юла. Старая и знакомая. Хотя откуда знакомая?

Легкий взмах руки – и юла завертелась на столе, привлекая внимание, завораживая...

– ...Нравится? – Голос Шипичихи доносился словно издалека.

– Нравится, – сказала Нина, а Тема молча кивнул.

– Ну, если нравится, так забирайте себе. Мне уже без надобности. – Старуха придвинула остановившуюся юлу поближе к Теме, а на Нину глянула как-то слишком уж внимательно. – И ты выпей! – сказала и плеснула в чашку отвара из чугунка.

– Зачем? – Отвар пах чем-то горько-пряным, вполне приятным.

– Пей!

Она ничего не объясняла и ничего не рассказывала – эта странная старуха. И косилась неодобрительно, словно узнала про Нину что-то плохое или стыдное. А если и вправду узнала?

– Пей, поможет!

Спросить бы, от чего поможет, но услышать ответ страшно. Ей в последнее время постоянно страшно. И страшнее, кажется, уже быть не может. В конце концов, не отравят же ее!

Отвар был почти безвкусный, с едва заметной горчинкой. После первого осторожного глотка Нина выпила всю чашку.

– С собой дам. – Шипичиха уже заворачивала в кусок пожелтевшей газеты пук сушеной травы. – Дня три позавари-ваешь, и все пройдет.

Хотелось сказать, что за три дня и без отвара все пройдет,

но иногда лучше промолчать. В их с Темкой случае вообще лучше молчать. А травка не навредит. Наверное, не навредит. Но в интернете лучше посмотреть, что за травка такая. Если только в этой глуши ловит интернет.

– И постельное белье дам. На первое время, тебе и малому. Потом постираешь и вернешь, как своим обзаведешься. Посуда там, кажись, была. И баллон газовый. – Шипичиха кружила по комнате, словно так ей было проще думать. Нина ее понимала, ей и самой лучше думалось в движении. – Поесть соберу. На вечер и утро вам хватит. Где магазин, покажу по дороге. У нас тут поблизости супермаркет открыли для дачников. Там, правда, дорого, но зато все есть, а ты ж говоришь, что при деньгах.

Не надо было рассказывать про деньги. Дернул же черт за язык. Что она знает про эту старуху? Да ровным счетом ничего! И не знала бы еще сто лет, если бы не случилось то, что случилось.

А Шипичиха уже нацепила на нос очки и с сосредоточенным видом набирала номер в стареньком мобильном. Значит, есть и в этой глуши цивилизация. Раз мобильная связь есть, будет и мобильный интернет.

– Ну, поели? – Она глянула через плечо.

– Поели. Спасибо!

– Раз поели, так сейчас и пойдем.

Телефон в ее руке ожил, забубнил что-то неразборчивое, кажется, мужским голосом. Шипичиха долго не слушала,

сказала резко и раздраженно:

– Яков, я тебя часто прошу?

Трубка снова забормотала.

– Вот! А сейчас прошу! У тебя десять минут!

И отключила связь. А мобильник полным раздражения жестом сунула в карман кофты.

– Сейчас явится, – сказала, ни к кому не обращаясь. – А то взял, понимаешь, моду! Во двор пойдем, подышим воздухом.

Воздух в этой глуши везде был замечательный, что в доме, что во дворе. Нина и не знала, что дышать можно так вольготно, полной грудью. Она бы так и дышала, если бы не боль.

А Темка бесстрашно сунулся к собаке Найде. Нина дернулась следом, но Шипчиха остановила ее взмахом руки:

– Не бойся. Не обидит. Это она с виду только грозная, а на самом-то деле толку от нее – чуть. Лает, но не кусает.

Найда и не лаяла, лежала смирно, довольно щурилась, когда Темкина ладошка касалась ее покатога лба. Не обидит. Теперь Нина тоже это понимала. Откуда понимала, непонятно. Просто родилось у нее такое вот знание.

А вдали уже слышался рев мотора. Ну как рев – скорее ворчание. На поросшую подорожкой дорогу выполз старый «уазик», фыркнул, замер чуть поодаль. За рулем сидел дочерна загорелый, наголо бритый мужчина. Возраст его было не разобрать из-за расстояния и дешевых солнцезащитных очков-авиаторов. Он не стал выбираться из салона, толь-

ко дверцу приоткрыл.

– Вот он я, Васильевна! Явился по первому зову! – сказал сиплым, прокуренным голосом.

– Так уж и по первому, – проворчала старуха, а потом обернулась к Нине и пояснила: – Это Яков Мережин. Он из охотнадзора. Или как нынче эта их контора называется, не знаю.

– Да как ни назови, Васильевна, – один хрен! – хохотнул Яков. – Работы – завались, а денег – хренушки! Так чего вызвала? Куда везти?

– К Темной воде. – Шипичиха тронула Темку за плечо, и тот – удивительное дело! – никак не отреагировал. То есть вообще никак!

– К Темной воде? – Яков больше не ухмылялся. Из-за очков Нина не могла видеть его глаз, но охватившую мужчину тревогу почувствовала тут же. – Может, все-таки к Светлой?

– Сказала же, к Темной.

– Сама решила? – спросил он осторожно.

– Сто лет мне нужно. – Шипичиха мотнула головой, а потом указала на Нину: – Вот хозяйка объявилась.

– Ты погодь... – Яков пошарил в бардачке, закурил. Нине показалось, что загорелые руки его подрагивают. – Какая такая хозяйка?.. – И хрипотцы в голосе прибавилось.

– Обыкновенная, с документами и правами на собственность. – Старуха сделала шаг к «уазику». Собака Найда встрепенулась, потрусил следом. И Тема тоже пошел, как

привязанный.

– Так ведь это... – Теперь Яков рассматривал Нину очень пристально. Собственно, только на нее и смотрел.

Она тоже смотрела, изучала. Он был уже не молод, но еще и не стар. Крепкий мужик лет пятидесяти. Снял бы очки, сказала бы точнее, а так приходилось гадать. На нем были плотные камуфляжные штаны и вылинявшая майка цвета хаки. На его жилистой загорелой шее тускло поблескивал железный жетон по типу армейского, а на левом запястье виднелась затертая татуировка.

– Это как понимать, Васильевна? – Он глубоко затянулся сигаретой и взмахнул рукой, разгоняя облачко дыма.

– Да вот так и понимай. И хватит уже болтать, дело к ночи.

– Так вот и я говорю, дело к ночи, а ты их к Темной воде. Сдурела, старая?

– А я говорю, хозяйка она! – Шипичиха повысила голос. – И не по бумагам, а взаправду.

– Так ведь говорили...

– Люди всякое говорят! Больше слушай! – Старуха обернулась, строго глянула на ничего не понимающую Нину, проворчала: – Ну, чего стала? Садитесь с мальцом на заднее сиденье!

На заднем сиденье «уазика» было тесно и душно. А еще пыльно до такой степени, что Нина не удержалась, чихнула.

– Будь здорова. – Яков посмотрел на нее в зеркальце заднего вида.

– Спасибо. – Нина вежливо улыбнулась.

– У меня только один вопрос. – Яков обернулся к усевшейся на пассажирское сиденье Шипичихе. – Она знает?

– Узнает. – Старуха мотнула головой и отвернулась.

А Нине захотелось спросить, о чем это они. О чем вообще весь этот странный, состоящий из сплошных недомолвок диалог? Вот только сердце подсказывало, что Шипичиха не ответит и Якову не позволит. Ничего, придет время – она сама все узнает. Ей бы только отлежаться, передохнуть, прийти в себя. А там можно и загадки поразгадывать.

Ехали молча. Яков больше не задавал вопросов, лишь изредка поглядывал на Нину. Очки свои он не снял, но она почему-то все равно знала, что поглядывает. Ну и пусть! Она тоже посмотрит. В окошко на окрестности. Окрестности тут интересные. Загорины на поверку оказались довольно большой деревней, с собственной инфраструктурой. Пока ехали, Нина успела заметить и двухэтажное кирпичное здание сельсовета, и с виду новую или недавно отремонтированную школу, и ФАП, и продовольственный магазин с дремлющими у крыльца собаками и припаркованными велосипедами, и сельский клуб с афишной тумбой. Тумба была заклеена не то афишами, не то листовками, а не то и вовсе какими-то частными объявлениями. А рядом с клубом через дорогу виднелась остановка. Наверное, именно сюда должен был привезти их с Темой автобус, который так и не вышел в рейс. Дома в Загоринах были разные. В центре большей частью старые,

деревянные, мало чем отличающиеся от дома Шипичихи, а ближе к периферии в поле зрения начали попадать новые, добротные особняки за высокими заборами.

– А че! – сказал Яков, наверное, проследив за Нининым взглядом. – Думала, у нас тут глухомань?

Нина ничего не думала, поэтому и ответить ей было нечего, разве что пожать неопределенно плечами.

– Места глухие имеются, не спорю! – Яков устал молчать. – А вот сама деревня всегда была передовой. – В голосе его слышалась, кажется, гордость. – В семидесятые тут неподалеку построили НИИ. Какой – не спрашивай! Какой-то секретный, с забором и пропускной системой. Ну, тогда-то по стране этих секретных НИИ было как грязи, это уже потом, после перестройки, все к чертям полетело. Да и не сразу полетело. Долго они продержались. А, Васильевна? Кажись, аж до нулевых?

Шипичиха, похоже, его даже не услышала. А вот Нина слушала и запоминала.

– Ну вот, НИИ, считай, в самой глуши, а людям-то где жить? Людей вот тут, в Загоринах, начали селить. Землю под строительство выделили, домиков одинаковых понастроили. Ну, институтской элите, ясное дело, домики получше в местах покрасивее, но жизнь тогда здесь была ключом. Веселее здесь было, чем в самом райцентре. А потом, когда рушиться все стало, НИИ закрыли, ученый люд кто куда разбежался, кто в область, кто в бизнес, кто в депрессию. Домиков то-

гда много пустовало, тех самых, институтских. Не осталось у людей денег, чтобы домики покупать. Да и после того, что тут приключилось...

– Яков, – сказала Шипичиха очень тихо. – Хватит.

И он, взрослый, очевидно, многое на своем веку повидавший мужик, замолчал, кажется, даже шею в плечи втянул. А Нине вдруг захотелось узнать, что же здесь такое приключилось. Сердце недобро заныло. Ох, только бы не попали они с Темкой из огня да в полымя...

А деревня тем временем заканчивалась. Коттеджей им попадалось все меньше, а расстояние между ними становилось все больше. Как только «уазик» проскочил указатель с перечеркнутой надписью «Загородины», Нина увидела впереди тот самый супермаркет, о котором говорила Шипичиха. В этом тихом, почти заповедном краю большое здание из стекла и бетона казалось чем-то чужеродным и никак не вписывалось в окружающий ландшафт, но, судя по количеству автомобилей на парковке, пользовалось у местных жителей популярностью. Или не у местных?

– Дачники. – Яков снова глянул в зеркальце заднего вида. – Дачники и прочие понаехавшие. Места у нас тут... Озерный край! Тишь да гладь... – Он не договорил, мотнул бритой головой, словно останавливая самого себя.

Тишь да гладь... Темная вода... Воды пока не видать, но тишь уже началась. И даже рев мотора ей не помеха, как-то сразу чувствуется, что цивилизация осталась позади, вместе

с супермаркетом. А водой вот уже и запахло. Озерный край. Здесь много озер, много воды. Должно быть... Вон и озеро! Синева в просветах между высокими мачтовыми соснами. Вверху, там, где небо, синева ситцево-светлая, внизу, там, где вода, – чуть потемнее, в бирюзу. Хорошо, если их с Темой дом где-то здесь на берегу. Красивое место, светлое. Да, видно, не просто так Шипичиха говорила про Темную воду. Если вода темная, так откуда же месту взяться светлому!

«Уазик» свернул, покатил прочь от озера, углубился в лесную чащу. Не светлый бор, а самую настоящую чащу, густую, непроглядную. Ехали не долго, но словно бы в темном туннеле, по ухабистой грунтовой дороге, больше похожей на лесную тропу.

Эту воду Нина тоже почуяла загодя, задолго до того, как «уазик» выехал к берегу еще одного озера. И воду почуяла, и многократно усилившуюся тревогу. Может, зря она? Может, нужно было остаться в Загориных? К той же Шипичихе напроситься на постой. Или расспросить Якова, кто в деревне сдает жилье дачникам.

Расспросит. Вот завтра же утром этим и займется.

А Яков снова следил за ней в зеркальце заднего вида. Следил и, кажется, хмурился.

– Ну вот, почти приехали, – сказал наконец и остановил «уазик» у неожиданно большого и неожиданно красивого бревенчатого дома. У дома этого не было двора, зато имелась просторная терраса, нависающая над озером. Над тем-

ной озерной водой. – Вот она какая – Темная вода.

Мотор чихнул и заглох, а тишина показалась Нине оглушительной. Чтобы избавиться от морока, она мотнула головой и спросила:

– Темная вода – это что?

– Темная вода – это все. – Яков неопределенно развел в стороны загорелые руки. – Место. Озеро. Дом. Для местных все это – Темная вода. Так уж повелось.

– Давно? – Выходить из машины не хотелось. И Нина, как могла, старалась оттянуть этот момент.

– Что? – спросил Яков. Похоже, ему тоже не хотелось выходить. – Давно это место так называется? Да сколько я себя помню. Есть Светлая вода, ты видела, проезжали мы то озеро. Вот там на берегу всяко-разно: и здание бывшего НИИ, и нынешние дачи, и кемпинги. А это, стало быть, Темная вода.

Темная вода. И нет тут ни бывшего НИИ, ни дач, ни кемпингов, ничего, кроме вот этого старого дома и тишины. Особенной, глубокой какой-то тишины.

Это озеро тоже было большое. Может, не такое большое, как то, которое они проезжали, но все же. Противоположный берег терялся в вечерних лиловых сумерках. Красивое место. Пусть странное и тихое, но на самом деле красивое, ничем не хуже Светлой воды. Вот только нет здесь ничего и никого, ни единой живой души нет. Интересно почему? К красивым местам люди тянулись во все времена. И к воде тянулись. Хоть светлой, хоть темной. Да хотя бы рыбаки. Или

здесь не водится рыба?

Нина так и спросила про рыбу. Просто чтобы нарушить затянувшееся неловкое молчание.

– Отчего же не водится? – Яков, казалось, удивился. – Очень даже водится. Наверное.

Вот это неуверенное «наверное» смутило ее больше всяких недомолвок. Не может быть, чтобы загоринские рыбаки до сих пор не освоили такое место. А если не освоили, то почему?

– Выходи! – сказала Шипичиха и с видимым усилием распахнула дверцу «уазика». – Пойдем дом смотреть.

Нина выбралась из машины, помогла спрыгнуть на землю Темке, вытащила рюкзак, который показался ей неподъемным. А Яков даже не шелохнулся, сидел, крепко сжав руль. На его загорелых, поросших сизой щетиной щеках перекачивались желваки.

Шипичиха, как и прежде, не стала их дожидаться. Она поднялась на террасу, замерла в раздумье перед тяжелой дубовой дверью. Или не в раздумье, а в нерешительности? Нина тоже замерла, вглядываясь в дом.

Старый. Определенно старый, кое-где обветшавший, но большой и добротный. Идеальный дом в идеальном месте. Вот только одинокий. Такой же одинокий, как и они с Темкой. А раз так, может, и получится ужиться? Хотя бы попытаться?

Она не спешила входить в дверь вслед за Шипичихой и

Темку не пускала. Крепко держала сына за руку. Ей нужно узнать кое-что важное прямо сейчас, пока Яков не уехал.

– Можно вопрос? – Теперь, когда они оказались лицом к лицу, стало ясно, что с возрастом Нина не ошиблась. А еще было в Якове что-то лихое и отчаянное, выдававшее бурную молодость.

– Валяй!

Все-таки он снял очки. Глаза его были по-цыгански черными, с густыми, по-девчоночьи длинными ресницами. Может, из-за этих ресниц он и носил свои авиаторы? Стеснялся этакой красоты?

– Как нам отсюда добираться до Загорин?

Вот сейчас Яков скажет: а как хотите, так и добирайтесь, пешкодралом добирайтесь! И что Нине с Темкой останется делать?

Но Яков сказал другое. Казалось, он и вопроса от Нины ожидал совсем иного и сейчас расслабился, успокоился.

– Вон там, – он махнул рукой куда-то в сторону от дома, – есть тропинка. По ней десять минут – и вы на дороге. По дороге еще пять минут – и вы на остановке.

А рейсовый транспорт тут ездит, как получится...

– А автобусов тут ходит много. Есть колхозный, есть два дачных и один пансионатский. Расписание, кажись, там прямо на столбе прибито. Но лучше тебе сходить и самой посмотреть.

От сердца отлегло. Если автобусов много, то есть надежда,

что хоть один из них выйдет в рейс.

Яков хотел еще что-то сказать, но не успел. Дверь дома распахнулась словно сама по себе. Нина замерла, Темка вздрогнул, а загорелый лоб Якова покрылся испариной.

– Вы скоро там? – послышался из темноты раздраженный голос Шипичихи. Значит, дверь не сама, значит, это старуха ее... толкнула.

– Идем! – Нина со вздохом перекинула через плечо лямку рюкзака.

– Постой-ка! – Яков крепко сжал ее руку повыше локтя. Нина едва удержалась от того, чтобы не закричать. Или не ударить. – Вот возьми. – Он сунул ей обрывок пожелтевшей газеты с какими-то каракулями. – Это мой мобильный. Ну так... на всякий случай.

Сейчас бы и спросить, на какой такой случай, но вместо этого Нина молча кивнула и спрятала обрывок в карман джинсов. Потом спросит.

По широким ступеням террасы Темка взбежал первым и первым же нырнул в пыльную прохладу старого дома. Нине не осталось ничего другого, как войти следом. Ей не пришлось привыкать к темноте, в квадратной прихожей тут же вспыхнул уютный оранжевый свет.

– Электричество есть, – сказала старуха удовлетворенно. – Сейчас проверю газовый баллон, а вы пока осматривайтесь.

Изнутри строение казалось даже больше, чем снаружи. Хороший, добротный дом, скорее похожий на дачный, чем

на деревенский. В прихожей были четыре двери. Одна вела на просторную кухню, выходящую окнами на террасу и озеро. Обстановка на кухне была спартанской: стол, два стула, старая допотопного вида плита, буфет с резными дверцами, за запылившимися стеклами которого можно было рассмотреть тарелки и чашки. Но больше всего Нину заинтересовала мойка и водонагревательная колонка. Не верилось, что здесь, на краю цивилизации, может быть еще и такая роскошь, как горячая вода. Она покрутила сначала один вентиль, потом другой, из проржавевшего крана в мойку не упало ни капли.

– Насос надо починить, а лучше вообще заменить. – Нина и не заметила, как в кухню вошла Шипичиха. – А с газовым баллоном, кажись, все в порядке. Если горячая вода нужна, водонагреватель тоже придется купить. Этот уже давно не работает. И дизельный генератор. – Старуха подошла к окну, в задумчивости посмотрела на ровную озерную гладь. – С электричеством бывают перебои. Линия старая, прокладывали ее еще для НИИ, тогда и дом запитали. А сейчас по-разному случается. Если при лучине сидеть не хочешь, подумай о генераторе.

– Подумаю, – пообещала Нина не то старухе, не то самой себе.

– Ванна с туалетом тут тоже имеются. Вот такая роскошь. – Шипичиха усмехнулась. – Только не работают. Пока не будет хорошего насоса, воды тоже не будет. И даже если с насосом, то много воды не лей. Потом замучаешься с вы-

гребной ямой. Чтоб ее почистить, придется человека из райцентра нанимать задорого. Запомнила?

— Запомнила. — Нина кивнула, приоткрыла дверцу буфета. Посуда была разномастная, но вся целая, без сколов и трещин. В дальнем углу одной из полок виднелась банка с вареньем. Кажется, вишневым. Сколько лет простояла здесь эта банка?

— Дальше пойдем! — Старуха аккуратно, по большой дуге обошла Темку, вышла из кухни.

Дальше располагалась просторная комната, наверное, гостиная. И здесь мебели было по минимуму. Продавленная тахта, два кресла, старая стенка и стеллаж с книгами, а еще камин. Самый настоящий камин! В доме имелись еще две спальни. Одна побольше, вторая поменьше. Ту, что поменьше, можно было переоборудовать под комнату для Темы. Здесь даже стояла детская кроватка. Год назад Темка бы ей обрадовался, а теперь он считал себя взрослым и в кроватке для малышей спать отказывался. Нина тут же решила, что со временем купит Темке новую мебель и переклеит в детской обои. Эти, в веселый цветочек, уже давно потеряли и яркость красок, и актуальность. Ее собственная спальня окнами выходила на озеро. Здесь тоже стояла кровать. Старинная, кованая — актуальная во все времена. Кровать была застелена лоскутным пледом. Нина как-то сразу поняла, что плед этот ручной работы. Его она менять точно не станет, только выстирает как следует. А вот тюль на широком окне нужно

сменить. Он порыжел от времени, пошел мелкой сеточкой дыр. Его уже никак не восстановить. Тюль не восстановить, но большое настенное зеркало отреставрировать можно запросто. Сейчас оно тусклое и мутное, засиженное мухами, в растрескавшейся раме, но все равно добротное и очень красивое. Такое же красивое, как кованая кровать. А платяной шкаф, наверное, делал тот же мастер, что и раму. Потому что завитушки и вензеля на них одинаковые, и позолота, остаток былого величия, тоже одинаковая. Подумалось, что на антикварном аукционе вещи эти стоили бы немало. Может, даже больше, чем сам дом, но продавать их Нина не станет. Будет чем занять руки и мысли долгими летними вечерами. Про зимние вечера она думать пока не осмеливалась. Может, и не придется им с Темкой зимовать у Темной воды. Может, все как-нибудь и обойдется.

В спальню Шипичиха заходить не стала, остановилась на пороге. Мимо нее прошмыгнул Темка, уселся на лоскутное покрывало, зажмурился, то ли от удовольствия, то ли от взметнувшегося в воздух облачка пыли. Темке нравилось это приключение. Определенно нравилось.

В доме имелись еще несколько подсобных помещений, в одном из которых обнаружился отопительный котел, а во втором – обещанная старухой ванная комната. Она была удивительная. С одной стороны чугунная ванна на львиных лапах, с другой – окошко с задернутой цветастой занавеской. Если занавеску отодвинуть, станет виден лес и часть озера.

Наверное, хорошо вот так лежать в ванне и любоваться пейзажем. Главное, как можно быстрее разобраться с насосом и бойлером. И узнать, откуда брать питьевую воду. Не из озера же.

– Из скважины, – сказала Шипичиха в ответ на ее вопрос. – Но скважина, наверное, заилилась. Пока не почи- нишь, пользуйся колодцем. Он там, за домом.

Скважина заилилась. Значит, еще одна статья расходов и еще одна проблема. Но это такие проблемы... не сказать что очень приятные, но хотя бы нестрашные. Нине и Темке понравится этот дом. Кажется, он им уже нравится.

– Ну что? – Шипичиха смотрела на Нину с внимательным прищуром. – Как хоромы?

Было в ее голосе что-то такое... что-то тревожное. За ко- го она тревожилась? Уж точно не за них с Темкой, чужих людей.

– Хороший дом, – сказала Нина коротко и осторожно. – Я думала... мне казалось, он должен быть старше.

– Он такой и есть. – Старуха кивнула. – Его часто пере- страивали, под себя переделывали.

– Кто?

– Хозяйки. Вот ты же тоже уже что-то придумала?

– Ничего. – Ей не хотелось делиться с Шипичихой ни сво- ими задумками, ни планами на будущее. Планами вообще лучше ни с кем не делиться.

– Ну, тебе виднее. А мне, пожалуй, пора.

Вот и все. Никакого тебе «обращайся, если что», никакого номера телефона. Показала дом, сунула в руки проржавевший ключ. Живите как знаете.

А они и выживут! Как-нибудь да выживут. Без посторонней помощи.

Шипичиха была уже на террасе. Нина думала, спустится по ступеням, усядется в «уазик» и уедет, не прощаясь, а старуха вдруг остановилась, посмотрела так, что аж сердце зашлось, сказала шепотом:

– Ты дома не бойся.

– Я и не боюсь. – А что еще ответить на такую странность?

– И малого к воде пока лучше не пускай. Присматривай.

Тоже еще рекомендация. Ясно же, что, если живешь с маленьким ребенком на берегу озера, нужно быть предельно внимательной. Но Темка все понимает, с ним можно договориться. Нужно только найти правильные слова.

– Я присмотрю. – Пришлось пообещать. Уж больно требовательно смотрела на нее старуха.

– Они его позовут. Они всегда зовут. Но если ты будешь рядом, беды не случится.

– Кто позовет? Какой беды?

Ох и не нравился ей этот разговор! А может, в самом деле, плюнуть на дом и попроситься на постой к кому-нибудь в Загоринах? К кому угодно, только не к Шипичихе. Уж больно она странная. Старуха с приветом. С очень большим приветом.

– Ему здесь понравится. – Шипичиха словно бы ее и не слышала. – Это место такое...

– Темная вода, – сказала Нина некстати, а Шипичиха вдруг согласно кивнула.

– Да, Темная вода. Не просто так оно называется. Тут вообще все не просто так. – И тут же подалась вперед. Так стремительно подалась, что Нина отшатнулась от неожиданности. – Помнишь что? – спросила строго.

– А должна?

– Значит, не помнишь. Лучше бы тебе и не вспоминать. – Шипичиха покачала головой, а потом вдруг добавила: – Не вспоминать и не возвращаться.

Последнее слово она произнесла уже на середине пути к «уазику» и внимательно за ними наблюдающему Якову. Догнать бы, вцепиться в худые плечи, встряхнуть, выбить из старухи и эту загадочную дурь, и все ответы. Если бы не Темка, который вышел из дома и присел на верхнюю ступеньку, Нина, возможно, так и сделала бы. Но не при сыне. Темку нельзя пугать. Ни пугать, ни травмировать. Потом. Потихонечку-помаленечку она все узнает.

* * *

Нина еще какое-то время стояла на террасе, прислушивалась к затихающему звуку мотора, всматриваясь в неподвижную черную озерную гладь. Темка стоял рядом, тоже словно

к чему-то прислушивался. Или это просто она стала подзрительной после разговора с Шипичихой?

– Тема, – позвала она сына. – Как дела, Темка?

Сын не ответил, но улыбнулся. Это значит, хорошо дела, нравятся ему приключения. Ну а ей, стало быть, и желать больше нечего, если ребенку хорошо. Вот только нужно до ночи успеть прибраться в доме, застелить кровати. Она и не заметила, когда Шипичиха оставила посреди кухни доверху наполненную плетеную корзину. Кажется, не было никакой корзины, а теперь вот есть. А внутри – хрусткое, шершавое на ощупь льняное белье, явно старое, еще самотканое. А под бельем – съестные припасы. Не много, ровно столько, чтобы хватило на ужин и завтрак. И наполненная отваром склянка. Заматавшись, увлекшись осмотром дома, Нина и не заметила, как прошла боль. Два дня не проходила, лишь слегка унималась от анальгетиков, а теперь прошла. Вот такие чудеса сельской фитотерапии.

Устроить генеральную уборку Нина решила завтра, а пока достаточно натаскать из колодца воды, вымыть полы, стереть пыль со стола и подоконников, искупать Темку в найденном в кладовке глубоком жестяном тазу, ополоснуться с дороги самой. Был соблазн поплавать в озере, в этой самой темной воде. Но не зная броду, не сунься в воду. Вот она и не сунется, пока не поймет, что здесь да как, какое дно, какая глубина.

Темка уснул быстро, еще до девяти часов. Свернулся ка-

лачиком на Нининой кровати, а Нина, глядя на сына, подумала, что нужно обязательно купить ночник. Не то чтобы Темка боялся темноты, но лично ей так будет спокойнее. А пока можно включить свет на террасе. Еще в самом начале исследования дома она обнаружила под крышей террасы электрический патрон, а на одной из полок буфета нашла старую лампочка накаливания. Нина уже и забыла, когда видела такие в последний раз, эпоха энергосбережения брала свое. Спираль в лампочке выглядела неповрежденной, и это давало надежду.

Лампочка не подвела. И проводка тоже. После недолгих манипуляций на террасе вспыхнул уютный рыжий свет. Ночь еще не полностью вступила в свои права, и с террасы все еще можно было разглядеть прибрежные заросли, но на неуклонно темнеющий небосвод уже выкатилась круглая луна – большая и яркая, словно ненастоящая.

Весь этот бесконечный день Нина только и мечтала о том, как ляжет и закроет глаза, а сейчас, казалось бы, ложись, отдыхай, но не хочется. Или не может. Страх все еще держит за горло холодной лапой, не дает ни вдохнуть, ни выдохнуть. И боится она не дома и не этого глухого места. Другого боится. И чтобы не свихнуться, приходится убеждать себя, что самое плохое уже позади, что здесь, у Темной воды, их с Темкой никто не найдет.

У нее почти получилось. И даже дышать стало чуть легче, чуть свободнее. Не зря же говорят, что дома и стены помога-

ют. Вот это ее дом. Пусть пока только формально, на бумагах, но дом есть. И крыша над головой есть, и какая-никакая мебель! Остальное она докупит и отремонтирует.

– Мы с тобой подружимся, да? – Нина погладила все еще хранящие тепло уходящего дня перила. – Я тебя подлатаю.

Она подлатает дом и подлатает себя. А потом забудет случившееся, как страшный сон. Должна забыть. Ради себя и ради сына.

Воспоминания вернулись болью в ребрах и животе. Самое время глотнуть зелья Шипичихи. Вот сесть на верхней ступеньке террасы с чашкой зелья, представить, что это не зелье вовсе, а крепчайший кофе, и начать новую жизнь!

Картинка светлого будущего не сложилась из-за громкого всплеска. На мгновение показалось, что к террасе, той ее части, что нависала над водой, подплыла лодка. Или крупное животное. Или огромная рыба. Или еще какая тварь... Нина замерла, вытянулась в струну, а потом после долгой борьбы с самой собой на цыпочках двинулась в сторону звука. Света от лампочки хватало лишь на то, чтобы осветить террасу. Темная вода так и оставалась темной.

– Эй... – позвала Нина шепотом и тут же подумала, что это полная чушь – разговаривать с животным, рыбой или иной... тварью. А если на ее «эй» сейчас кто-нибудь отзовется, станет вообще не до шуток.

Не отозвались, но по темной глади воды скользнула еще более темная тень. Или показалось?

Показалось бы, если бы не еще один громкий всплеск. На самом деле громкий. Нина когда-то давно смотрела передачу про сомов, про то, какими огромными они могут вырасти, размером с ребенка, если не больше. Щуки тоже бывают большими. И аллигаторы. Вот только аллигаторы в Темной воде точно не водятся. А ей на будущее стоит прикупить переносной фонарик помощнее, чтобы при случае отследить неведомую озерную зверюшку.

Нина даже нашла в себе силы усмехнуться этой своей мысли. Ухмылка получилась трусливой, но ведь никто не видит. Она уже собиралась гасить свет и отправляться спать, когда ее вдруг настигло удивительное открытие. За весь вечер у воды ее не укусил ни один комар, даже мимо не пролетел!

На самом деле это очень хорошая новость! Домик у воды, но без комаров! Что может быть лучше? И настроение как-то сразу поднялось на несколько пунктов, и хватка невидимой лапы на горле стала еще чуть слабее. Это странное место приняло их с Темкой. Нине очень хотелось так думать, а значит, так оно и будет!

Темка метался во сне, сбросил на пол тонкий плед и сложенную вчетверо толстую кофту, которую Нина пристроила вместо подушки. Нина подняла плед и кофту, приладила на место, уложила вспотевшего, горячего со сна сына поудобнее, принялась раздеваться. В ее будущей спальне не было ни тумбочки, ни туалетного столика, ни даже стула, чтобы

положить на него одежду, а идти за стулом в кухню по темному дому не хотелось. Вещи можно сложить в шкаф, благо она перебрала и протерла его пыльное нутро, а потом плотно прикрыла дверь. Тема, наверное, как и многие дети, не любил открытых шкафов, оставленных на ночь. Нине хотелось думать, что просто не любил, а не боялся.

Дверь в шкаф была открыта. Не нараспашку, но достаточно, чтобы просунуть внутрь руку. Или изнутри...

Холодная лапа с силой сжала горло, воздуха в легких осталось чуть, а воли и здравого смысла хватило на то, чтобы включить в мобильном фонарик и решительно распахнуть резную дверцу.

Внутри не было ничего, кроме аккуратно сложенного постельного белья и висящих на плечиках винтажного вида платьев. Ничего и никого. А что она ожидала?

Нина со свистом выдохнула ставший вдруг вязким воздух и осторожно, чтобы не разбудить Темку, закрыла дверь. Аккуратно, но плотно. На цыпочках прошла к кровати, стараясь не смотреть в зеркало. Ей не хотелось видеть свое отражение. Не сейчас. Возможно, силы появятся завтра, потому что утро вечера мудренее. Она снова усмехнулась. В этом странном месте в голову то и дело приходили какие-то почти забытые поговорки, словно время здесь законсервировалось, как то старое вишневое варенье в буфете.

Темка снова застонал, завопил в сне. Нина легла рядом, обняла сына за плечи, мягко дунула в кудрявую макуш-

ку.

Тогда, два дня назад, ее сын ничего не видел и не слышал. Она сделала все возможное, наизнанку вывернулась и через себя переступила, чтобы ее мальчика не коснулась вся эта... мерзость. А что, если все-таки коснулась? Что, если слышал? Или догадался? Он еще маленький, но очень необычный, тонко чувствующий, не такой, как остальные дети.

Захотелось плакать. Нет, белугой выть от всего этого! Она ведь так и не поплакала, собрала волю в кулак, зубы сцепила, ногтями пропоролла кожу на ладонях, но не позволила себе вот этой простой женской слабости. Тогда не позволила и сейчас не позволит. Они с Темкой далеко. Они в безопасности в этом всеми забытом месте. А значит, можно расслабиться. Хотя бы попытаться.

Нина и попыталась. Легла на спину, закрыла глаза, прислушалась к мерному дыханию Темки и, кажется, дома. Вдох-выдох, вдох-выдох... Вдох чуть короче, выдох подлиннее. Как учили на курсах по йоге. Дышать диафрагмой, не зажиматься... Она не станет зажиматься, а отдастся наконец усталости и сну. Она заслужила.

...Сон оказался коварным, он сначала ласково погладил Нину по голове, а потом сдернул с кровати и поволок в темноту. Она пыталась кричать и отбиваться, пыталась вырваться, но чьи-то невидимые руки – страшные костлявые руки! – крепко и безжалостно зажимали ей сначала рот, а потом и глаза. Пахло псиной, и в нос забивались шерстинки, не

позволяя дышать. И силпый, нечеловеческий какой-то голос шептал на самое ухо:

– Молчи... Не кричи...

Она не станет молчать! Не сейчас! Она уже намолчалась вдосталь. Этого молчания ей хватит на всю оставшуюся жизнь. Если будет эта жизнь. Если получится вырваться из крепких, смердящих псиной лап.

И Нина закричала! Забилась с отчаянной силой, полетела куда-то вниз, в разверзшуюся под ногами темноту. Как Алиса в кроличью нору. Летела долго, кажется, целую вечность. А потом упала, больно стукнулась головой обо что-то твердое, открыла глаза.

Она лежала на полу в незнакомой комнате возле витой ножки кованной кровати. И самодельный лоскутный плед укрывал ее до самых глаз, мешая дышать полной грудью. Бесконечно долгое мгновение ушло на то, чтобы осознать, где она и что происходит, чтобы встать на четвереньки и осмотреться, а потом вспомнить.

Это был сон. Душный, пахнущий мокрой собачьей шерстью кошмар, жестокая игра подсознания.

Она в спальне в своем новом старом доме.

Стояло яркое солнечное утро.

Именно яркость примирила Нину со случившимся, заставила встать с колен и осмотреться теперь уже основательно.

Первым в поле зрения попало зеркало. Из его глубины на Нину смотрела растрепанная девица, с синими кругами под

глазами и диким взглядом. И тут же в голову пришло сакраментальное – нечего на зеркало пенять... Нина и не пеняла, она коснулась его чуть матовой прохладной поверхности самыми кончиками пальцев, и девица с той стороны тоже коснулась. Только, кажется, с небольшим опозданием. Сначала коснулась, а потом потянула вверх мокрую от пота футболку, обнажая впалый живот и выпирающие ребра. Синяки, огромные и безобразные, уже налились пурпуром, а кое-где проявлялась пока еще легкая зеленца. Синяки на ее животе и ребрах собирались «зацвести». Наверное, финальная палитра получится красивой. И если бы не боль, с ней можно было бы даже смириться. Но боль снова диким зверем вгрызалась в ушибленные – хорошо, если не поломанные! – ребра, завязывала в узел внутренности. Растрепанная девица положила узкую ладонь себе на живот, а Нина застонала. Сначала застонала, а потом почти сразу же испугалась.

Темка не должен ни видеть, ни слышать проявлений ее слабости. Для Темки все, через что они прошли, всего лишь приключение. Так оно и должно оставаться. Хотя бы для него...

– Сына? – Нина позабыла и про девицу в зеркале, и про боль. Нина вспомнила про сына. Про сына, которого не было на кровати...

Из комнаты она выбежала, задыхаясь от ужаса. И это был куда более осязаемый ужас, чем тот, что она пережила во сне. Старуха велела не пускать Темку к озеру...

Старуха велела, а она пустила. Упустила... Проспала...

– Тема!!! – Ее отчаянный крик подхватило эхо, понесло над подернутой кисеей рассветного тумана водой. – Темочка, ты где?!

Он стоял у самой кромки воды и очень внимательно всматривался в ее темные глубины. Казалось, оттуда, из глубины, с ним кто-то разговаривает. Кто-то говорит, а Темка слушает. И вот еще мгновение – и он сделает шаг...

– Тема!!!

Он обернулся и сделал шаг. Только не в воду, а навстречу Нине. А потом раскинул в стороны руки и побежал. Ей пришлось ловить его, чтобы не упал, прижимать к себе с такой силой, что перехватило дыхание. Не от боли – от счастья! От радости, что не случилось ничего страшного, непоправимого. Что вот он здесь – ее мальчик.

Завтракали на террасе. Нина вытащила из кухни стол и два стула, разогрела остатки снеди, что дала им Шипичиха, уселась напротив Темы, подперла кулаком щеку.

– Ты знаешь, что без меня к воде подходить нельзя?

Тема кивнул. По его раскрытой ладонке ползала божья коровка, которая занимала его куда больше, чем Нинины нравоучения.

– Если ты захочешь искупаться... Или просто посмотреть... Или ты увидишь в воде рыбку... – Того самого реликтового сома, что минувшей ночью бороздил эти темные воды... – Ты должен позвать меня. Тема! Озеро – это очень

опасно! Слышишь ты меня или нет?!

Она не хотела кричать, сорвалась в самый последний момент. Наверное, от собственного бессилия и малодушия. Сорвалась и тут же испугалась, что он испугается следом. Но ей достался совершенно удивительный ребенок! Он осторожно пересадил божью коровку на стол, а потом успокаивающе накрыл ее руку своей ладошкой и улыбнулся.

Все утро они с Темой посвятили уборке дома. Нина убиралась, а Тема ходил следом хвостиком. Ну и пусть, так ей спокойнее.

Дом нуждался и в присмотре, и в ремонте. Хотя бы косметическом. Дом истосковался по людям. Кажется, даже отвык и теперь приглядывался к ним с Темкой с осторожным любопытством. Оставалось загадкой, как за столько лет его не разграбили, не изувечили. Как он умудрился остаться вот таким, старым, но относительно благополучным. Дом сохранил не только мебель, но и книги, которые припорошил, замаскировал от посторонних глаз пылью. А стопку модных журналов «Бурда» бережно задвинул в глубь полки. Журналы оказались старые, некоторые даже двадцатипятилетней давности. Наверное, прежняя хозяйка была модницей или любила шить. Наверное, она была очень одинока, если решила отписать вот этот чудесный дом совершенно незнакомым людям, сначала Нининой маме, а потом ей – Нине.

Мама тоже не любила вспоминать про этот дом. Кажется, она даже ни разу сюда не приезжала. Сама не приезжала и

Нине не рассказывала. О доме Нина узнала лишь несколько лет назад, когда разбирала мамины бумаги. Тогда и выяснилось, что в ее пользовании, помимо маминой «двушки», есть еще и старый дом, затерянный в какой-то несусветной глуши. Дом не показался ей тогда значимым наследством, отчасти из-за удаленности от цивилизации, а отчасти из-за Игоря.

Первая любовь. Да что там первая! Единственная! Нине до сих пор казалось, что тот страшный год она пережила только благодаря Игорю. Он вытащил ее из темной пучины отчаяния, не слишком деликатно, буквально за волосы вытащил. Он вообще был такой... далекий от сантиментов. Типичный парень с района, хмурый, накачанный, с жилистыми предплечьями, расписанными кельтскими узорами, с по-бычьим тяжелым взглядом и обаятельной улыбкой.

– Малая, так дело не пойдет! – Он всегда называл Нину малой, хотя был старше ее всего на четыре года. – Ты свихнешься, малая, от всего этого!

«Все это» – это окраина рабочего района в задыхающемся от вечного смога промышленном городе, тихий двор, где каждый знает каждого, и старая библиотека, в которую Нину сразу после школы устроила на работу мама. Устроила потому, что Нина не поступила в институт. Не хватило всего нескольких баллов для осуществления мечты. Но от мечты нельзя вот так просто отказываться, за мечту нужно бороться. Нина и боролась, часами просиживая над учебниками в

гулком читальном зале, готовилась к еще одному штурму. У нее бы получилось. Непременно получилось, если бы судьба дала им с мамой второй шанс. Она и дала, вот только не маме, а Нине – за руку привела в библиотеку Игоря.

Нина до сих пор не могла понять, какие ветра занесли его под своды читального зала. Она не понимала, а он никогда не рассказывал, предпочитал отшучиваться.

– Это судьба, малая! – говорил он и смотрел на Нину одновременно хмуро и ласково. – Ты веришь в судьбу?

Наверное, тогда она и в самом деле была малой, потому что поверила и в судьбу, и в Игоря...

От воспоминаний Нину отвлекло тихое жужжание. Она не сразу поняла, что это за звук и откуда он доносится. А потом увидела полосатую юлу, ту самую, что подарила Темке Шипичиха. Юла танцевала на пороге, но Темки нигде не было видно. Сердце снова екнуло, Нина отложила стопку журналов, переступила вращающуюся игрушку, вышла в прихожую, заглянула в свою спальню. Темка стоял у раскрытого шкафа и с сосредоточенным видом изучал его содержимое, а Нина тут же вспомнила, каких усилий ей стоило закрыть дверцу шкафа прошлым вечером. А Тема, выходит, открыл.

– Что тут у нас? – Она встала позади сына, поверх его макушки заглянула в шкаф. Взгляд задержался на платьях, и рука сама потянулась к тонким железным «плечикам». Да, платья чужие, но дом ведь ее. А раз дом ее, то и все, что в доме, тоже.

Их было семь штук, словно бы на каждый день недели. Ни ярлычков, ни этикеток, благородный крой, приятная на ощупь, явно дорогая ткань. А в кладовой Нина нашла старую швейную машинку фирмы «Зингер». И журналы «Бурда» с вложенными внутрь выкройками весьма недвусмысленно намекали на то, что прежняя хозяйка любила и умела шить. И размер у нее был такой же, как у Нины. И вкус тоже.

Некрасиво и неловко надевать чужие вещи, но вдруг так захотелось, аж до зуда между лопатками!

– Это все мое, – сказала Нина, глядя на тощую девицу, отражающуюся в антикварном зеркале. И девица согласно кивнула – твое!

Платье было тонким, почти невесомым. Мелкий наивный цветочек на элегантном бирюзовом фоне. Юбка-солнце, рукава-фонарики, похожие на мелкие жемчужины пуговицы на лифе. И тонкий, едва уловимый аромат духов. Девица у зеркала вдохнула полной грудью, наверное, у нее не болели ребра, а потом распустила стянутые в пук на макушке волосы. Нина ее понимала, к такому чудесному платью подойдут косы. Можно две, уложенные короной вокруг головы, а можно одну «колоском».

Нина выбрала «колосок», перекинула косу через плечо, подмигнула Темке.

– Сына, ну как? – спросила весело.

Темке понравилось. Темка смотрел на нее с восторгом четырехлетнего мужчины, и Нине вдруг расхотелось снимать

платье. Словно бы это была ее собственная давно позабытая, а теперь вот найденная вещь, словно бы это чудесное платье сшили специально для нее.

А снаружи послышался рев мотора. Нина вздрогнула, бросила встревоженный взгляд на Темку, приложила палец к губам. Сколько еще она будет вот так вздрагивать от малейшего шороха? Даже подумать страшно. Чтобы не думать, она решительно вышла на залитую полуденным солнцем террасу.

Это был тот самый «уазик», что привез их вчера к Темной воде. И из «уазика» выбирался тот самый Яков. Он заметил Нину не сразу, а когда наконец заметил, замер как вкопанный. Лицо его, просмоленное солнцем, вдруг побледнело до синевы. Нине показалось, что, если бы не дверца, в которую он вцепился обеими руками, Яков бы сейчас упал.

– Вам плохо?! – Она сбежала с террасы, краем уха слыша за спиной легкие Темкины шаги. Не усидел дома, неслух. – Яков, может, воды?

Он пришел в себя еще до того, как Нина коснулась его загорелой руки, мотнул головой, усмехнулся.

– Перегрелся, – сказал почти весело и явно фальшиво. – Но от холодненькой водички не откажусь. Жарища!

Он прошел вслед за Ниной на террасу, присел, почти упал на стул, приветственно помахал рукой Темке, сдернул с переносицы свои «авиаторы», фыркнул почти как лошадка Натуська. Нина поставила перед ним чашку с водой, присажи-

ваться к столу не стала, осталась стоять, прислонившись поясницей к перилам. Яков большими, жадными глотками осушил чашку и осторожно поставил ее на место.

– Ну, как вы тут? – спросил все с тем же фальшивым ве­сельем. – Обживаетесь?

– Обживаемся. – Нина кивнула.

– А у меня отгул. – Он снова нацепил на нос очки. – На­копилось их... целая пропасть. И вот я подумал... – Он по­рылся в кармане своих камуфляжных штанов, вытащил пач­ку сигарет. – Можно? – спросил чуть виновато.

– Можно. – Нина снова кивнула. – Темка, иди погуляй. – С террасы, с того места, где она сейчас стояла, можно было одновременно наблюдать и за Яковом, и за вприпрыжку бро­сившимся к воде сыном.

А Яков уже скрутил из обрывка газеты кулечек, импрови­зированную пепельницу, и закурил. Он курил, Нина ждала объяснений. Он ведь приехал не просто так и отгул взял то­же не просто так. Ему что-то нужно.

Оказалось, нужно. Оказалось, Яков приехал, чтобы по­мочь им с Темкой по хозяйству, чтобы смотаться с ними в райцентр за «железками». Про «железки» он сказал с при­сущей всякому мужику небрежностью, но Нине сразу стало понятно, что он имеет в виду не простые бытовые мелочи, а то, без чего этот быт не может считаться нормальным.

– Если денег нет, так я одолжу. Отдашь, когда сможешь. – На Нину он не смотрел, кажется, тоже наблюдал за Темкой.

– Спасибо, у нас есть. – И вот снова она ведет разговоры о деньгах с посторонним человеком. Дура...

– А есть, так еще лучше! У тебя деньги есть, а у меня скидочная карта в строймаркете. Его хозяин – мой давний приятель, еще со школы знакомы. Так что я у них типа вип-клиент! – Он снова улыбнулся, на сей раз уже безо всякой фальши. – А на обратном пути в нашу «Стекляшку» заедем, продуктами затаришься. – Он вдруг хлопнул себя ладонью по лбу, сказал с досадой: – Совсем забыл!

Нина в растерянности наблюдала, как Яков широким шагом вернулся к своему «уазику», распахнул заднюю дверцу, по пояс исчез в салоне, а потом вытащил приличных размеров белый куб. Она не сразу поняла, что это холодильник. Какая-то портативная разновидность холодильника. Нина таких раньше и не видела.

– Вот! – Яков поставил холодильник на пол террасы, снова фыркнул, как Натуська, то ли от натуги, то ли от гордости. – Районное начальство подарило на юбилей. Предполагалось, что стоять это чудо будет в моем охотничьем домике. Да только когда я в том домике бываю! Мне без надобности, а вам с малым на первое время сгодится.

Им сгодится. Еще как сгодится! Потому что нет в их новом доме холодильника. Раньше не было, а теперь вот появился!

– Спасибо. – Нина улыбнулась, покосилась на сидящего у воды Темку. – А сколько я вам должна? – Она привыкла,

что за все в этой жизни нужно платить, просто так новыми холодильниками никто разбрасываться не станет.

– Не обижай меня, девочка, – сказал Яков таким тоном, что сразу стало ясно: он уже почти обиделся. – Я же от чистого сердца. Тем более мне без надобности.

Ему без надобности, но все равно странно. Не знала Нина случаев, чтобы вот так запросто один человек помогал другому.

– Ну, так едем в район за покупками? – Яков встал со стула, потянулся. – Эй, малой, хочешь прокатиться с ветерком?!

Темка хотел! Так сильно хотел, что тут же передислоцировался от воды к «уазику».

Нина собиралась быстро. Переоделась в джинсы и футболку, прихватила с собой документы и деньги – вот и все сборы. Ехали и в самом деле с ветерком. «Уазик» весело подпрыгивал на ухабах, а на ровной поверхности лихо рвался вперед. В какой-то момент Нина тихо порадовалась, что ни она, ни Темка не страдают морской болезнью.

Часть пути пролежала мимо Светлой воды, и Нина внимательно вглядывалась в просветы между высокими соснами, отмечала явное и давнее присутствие человеческой активности на озерном берегу. Это было странно и непривычно, когда в одном месте жизнь бьет ключом, а в другом – какое-то дремучее Лукоморье. И ведь расстояние между озерами совсем небольшое, пешком его можно преодолеть за полчаса, а такой контраст! Она не выдержала, спросила у Якова, в чем

причина.

– Почему тут так, а там этак? – Яков снова наблюдал за ней в зеркальце заднего вида, загорелый лоб его пересекла глубокая морщина. – Я не знаю. Не при мне так повелось – еще раньше. Может, потому, что Темная вода дальше?

Было очевидно, что он и сам не верит в такой аргумент. Было очевидно, что знает он гораздо больше, вот только рассказывать не спешит. Ну и ладно! Можно попробовать зайти с другой стороны.

– А кто раньше жил в доме? – Невинный, собственно, вопрос, а Яков вдруг напрягся, в баранку вцепился.

– Да никто, – сказал наконец.

– Последние годы ясно, что никто. – Нина не собиралась сдаваться. – А до этого? Чувствуется, что женщина.

– Женщина... – Яков кивнул.

– Молодая. Шить любила, наверное. – Надо ему помочь. Или не ему, а себе самой. Интересно же.

– Молодая. Шить любила. – Он снова кивнул. – Аленой звали.

Значит, Аленой. Красивое имя. И подходит женщине, которая выбрала своим домом такое необычное место.

– И старая. Бабка ее.

– А бабушку как звали? – Да что же он за человек такой! Все из него клещами нужно тянуть.

– Авдотья Силична. Я плохо ее знал.

– И куда они подевались? Уехали?

– Малец уснул, кажись? – Яков хмурился. Разговор этот ему почему-то не нравился. Нине тоже не нравился. Слишком много странных недомолвок. А Темка и в самом деле задремал, положил кудрявую голову ей на колени, закрыл глаза.

– Спит, – сказала Нина зачем-то шепотом. Если Темка уснул, разговорами его не разбудишь.

– Хорошо. – Яков сделал глубокий вдох. Словно собирался нырнуть в прорубь. Или в темную воду...

– Так что там с прежними хозяйками? – Нина помимо воли затаила дыхание. Может, это не ему придется нырять, а ей самой.

– Силична умерла, – сказал Яков с неохотой.

– А Алена?

– А Алена... А Алена пропала.

– В каком смысле пропала? Переехала?

– Может, и переехала. Давно это было, многое позабылось.

Вот такая история: старая хозяйка умерла, а молодая уехала. Ничего страшного, ничего необратимого, а на душе все равно скребутся кошки.

– А теперь ты мне скажи, Нина. – Яков, кажется, расслабился, будто «уазик» под его управлением только что благополучно преодолел опасную топь. – Как ты стала хозяйкой того дома?

Простой вроде бы вопрос, а отвечать не хочется. Да и

нечего отвечать.

– Это мое наследство.

– Наследство? – Кажется, он удивился. По-настоящему удивился. – От кого досталось?

– От мамы. – А вот маме от кого – большой вопрос. Спросить бы, да не у кого...

– Нина, – Яков говорил очень тихо, и на лбу его выступили капельки пота, – а где сейчас твоя мама?

Захотелось нагрубить, спросить, какое его дело, где ее мама, но она удержалась. Это не город, где даже соседи не всегда здороваются при встрече. Это деревня, где все друг друга знают. Здесь личное пространство не ценится так высоко и неуместные вопросы кажутся вполне оправданными.

– Мама умерла. – Умерла давно, еще до того, как Нина осуществила свою мечту и поступила-таки в институт. До того, как родился Темка. Мама ушла, оставив ей в наследство тонкую картонную папку с документами на старый дом.

– Умерла... – Яков выкрутил руль, объезжая рытвину на дороге. «Уазик» швырнуло в сторону, Темка завозился, но так и не проснулся.

– Осторожнее, – попросила Нина злым шепотом.

– Да, – согласился с ней Яков, вытирая со лба пот, – ты права, нужно быть осторожнее.

До самого супермаркета, который Яков отчего-то называл «Стекляшкой», ехали в молчании, наверное, это даже хорошо. Что-то не получалось у них нормального разговора.

– В «Стекляшку» на обратном пути заедем. – Все-таки он заговорил. Голос его изменился. Кажется, в нем прибавилось хрипотцы. В зубах Яков зажал сигарету, но не решался закурить из-за Темки. – А пока давай в райцентр.

Когда приехали в райцентр, Темка уже проснулся. Нина вытащила его, сонного и растрепанного, из машины, одернула измявшуюся рубашечку, напоила водой из бутылки. А Яков тут же отошел в сторонку и закурил. Он держал сигарету странно, в кулаке, словно боялся, что ее погасит невидимый ветер. На Нину с Темкой он не смотрел, повернувшись спиной. Нина его не торопила. Не в том она положении, чтобы торопить. Вместо этого она внимательно разглядывала большое, похожее на огромный ангар здание. Наверное, это и был тот самый строймаркет.

– Ну, пойдем! – Голос Якова теперь звучал обыкновенно, и улыбка на его лице стала привычно бодрая. – Тут, как в Греции, есть все! Генка, дружок мой боевой и хозяин всему этому богатству, мужик хваткий. Начинал с палатки на рынке, а теперь смотри, какую махину отгрохал! Ничуть не хуже, чем в области. Все радости жизни под одной крышей. Кстати, магазин так и называется «Радости жизни». Хорошо придумал, да? – Яков подмигнул Темке, и тот смущенно улыбнулся в ответ.

Название и в самом деле очень подходило этому магазину. Здесь была и жизнь, и радость. Людей внутри оказалось неожиданно много, словно жители райцентра разом решили

совершить покупки. Первым делом Яков отправился в отдел с дизельными генераторами. В генераторах Нина ничего не понимала, но ценники ей не понравились. Кстати, Якову они не понравились тоже. Он тихо выругался, шуганул тощего парнишку-консультанта и вытащил из кармана штанов мобильник.

– Погуляйте-ка по дамским отделам! – велел он Нине с Темкой. – А я тут пока проведу переговоры.

Скорее всего, переговоры он собирался вести с тем самым боевым дружкой Генкой, хозяином «Радостей жизни». Нина хотела было возразить. В конце концов, есть такие траты, без которых никак не обойтись. И покупка генератора – одна из них. Но Яков шуганул ее точно так же, как мальчишку-консультанта.

– Ты ж постельное хотела купить. Полотенечки там всякие. Ложки-поварешки. Вот иди и покупай!

Она не то чтобы очень хотела, но список «чисто женских» покупок у нее и в самом деле имелся приличный, а Темка тем временем погрузился в стилизованную под детскую машинку тележку и с великим энтузиазмом крутил руль. И уже через полчаса тележка-машинка оказалась наполнена до самых высоких бортов. Этим список нужных вещей не ограничивался, но этого должно было хватить на самое первое время. А потом можно будет съездить в райцентр на неуловимом рейсовом автобусе, докупить остальное.

Нина стояла у стеллажей с бытовой химией, когда ее

окликнули. По широкому проходу шли двое: Яков и крупный, представительного вида мужчина. Мужчина заметно прихрамывал, но Нине показалось, что хромота эта привычная.

– Вот, собственно, и она, – сказал Яков каким-то странным, заговорщицким почти тоном. – А теперь, Геннадий Львович, решай, какую скидку и какую рассрочку ты готов ей сделать.

Значит, Геннадий Львович, тот самый хозяин «Радостей жизни». Он смотрел на Нину полным немого изумления взглядом и решал. Что решал, было ей не совсем понятно. Как и вот этот его взгляд.

– Этого не может быть, – произнес он наконец.

– Я тоже так считал. – Яков выбил из пачки сигарету, помял в пальцах и с досадой сунул обратно. – Так что насчет скидок и рассрочек? – спросил уже другим, деловым тоном.

– Сделаем! – Геннадий Львович кивнул и улыбнулся. Улыбка у него получилась широкая и обаятельная, как у какого-нибудь американского политика. – И скидку сделаем, и рассрочку, и VIP-карту в «Стекляшке».

– «Стекляшка» тоже его. – Яков подмигнул Нине. – Магнат и меценат.

– Ну ты скажешь, Яша! – Улыбка Геннадия Львовича сделалась еще шире. – Магнат и меценат... – Он осторожно взял Нину за руку и так же осторожно сжал ее холодные пальцы. – Позвольте представиться, Сычев Геннадий. Можно даже без

отчества, мне будет очень приятно.

– Нина. – Она улыбнулась в ответ. – Мне тоже будет очень приятно. – Фамилию она не назвала, а он не стал уточнять. Наверное, из деликатности. Впрочем, даже если бы и спросил, Нина бы соврала. Жизнь учила ее не только прятаться, но и врать.

– Так, значит, это вы новая хозяйка Темной воды? – Геннадий не спешил отпускать ее руку, и рукопожатие его становилось все крепче.

– Мы с сыном поселились в доме у Темной воды. – Она мягко, но решительно высвободилась. – А Яков любезно согласился нам помочь.

– Ну, если уж Яков согласился помочь, так мне и сам бог велел! – Геннадий взмахнул рукой, и к ним поспешила корпулентная дама, стоявшая все это время поодаль. – Зоя Вячеславовна. – Геннадий по-свойски склонился над враз порозовевшим ушком дамы и что-то ей зашептал. Она выслушала инструкции с максимальным вниманием, кивнула, а потом пригласила, обращаясь исключительно к Якову:

– Следуйте за мной! Мы сейчас все оформим.

Яков довольно крикнул, подмигнул Нине, крепко пожал руку Геннадию.

– Спасибо, – сказала Нина. – Большое вам спасибо!

Она еще не знала толком, за что именно благодарит, но по удивленному выражению лица дамы поняла, что скидку ей сделали весьма приличную.

– Пустое! – Геннадий улыбнулся по-отечески. – У нас, у загоринских, принято помогать друг другу. Закон выживания! Надеюсь, еще увидимся! Я в Загоринах бываю часто, фазенда у меня там. Фазенда и плантации. Так что имейте в виду, от визита к нам вы не откреститесь.

Он говорил, а с другой стороны торгового зала к ним уже спешил продавец с большой коробкой «Лего» в руках.

– А это тебе, дружок! – Геннадий собирался потрепать Темку по голове, но Нина заступила ему дорогу. Это было привычное для нее движение, доведенное почти до автоматизма.

– Простите? – Густые брови Геннадия удивленно взлетели вверх. – Я не хотел ничего плохого...

– Я понимаю. – Никто не хотел ничего плохого, но Тема не переносил чужих прикосновений. С самого рождения не переносил. Оттого, собственно, у них и с садиком не сложилось. Вообще-то, у них много чего не сложилось, но Нина не жалела ни секунды. – Просто мой сын не любит, когда к нему прикасаются.

В темных глазах Геннадия что-то такое мелькнуло – не то понимание, не то узнавание. Но уж точно не обида и не удивление.

– Простите, я не знал. – Он отступил на шаг и даже руки спрятал за спину. – Но подарок ты ведь возьмешь?

Тема кивнул. Подарки Тема любил так же, как и все остальные четырехлетки.

– Вот и хорошо! И про приглашение мое не забудьте, Нина! Введу вас, так сказать, в наше загоринское общество. – В кармане его брюк запиликал мобильный. – А теперь прошу меня извинить. – Он виновато улыбнулся. – Дела!

Кажется, они купили все, что планировали! Во всяком случае, «уазик» Якова был забит покупками под завязку, места на заднем сиденье оставалось совсем чуть-чуть, только для Темки. А траты благодаря скидкам и бонусам получились весьма умеренными. Сказать по правде, Нина на такое и не рассчитывала.

– Генератор сегодня подключу. – Яков гнал «уазик» вперед уверенной рукой. – И насос, думаю, тоже. А с бойлером уже, наверное, завтра. До завтра подождете, а? – Он поглядывал на Нину, и вид у него был довольный.

– Подождем. Спасибо. – Даже малая часть того, что случилось сегодня в их с Темкой жизни, могла считаться чудом. Незнакомое место, знакомые люди – и сразу помощь. Вот такая простая, решительная, лишь самую малость назойливая. Или это ей просто кажется, что назойливая? С непривычки.

Жизнь потихонечку налаживалась. А чтобы она наладилась окончательно, Нине не хватало лишь одного – доступа в интернет. Надежда на то, что в ее новом доме такое чудо возможно в принципе, была мала. Но Нина все-таки решила попытать счастья.

– Интернет? – Яков смотрел на дорогу сквозь запыленное

лобовое стекло. – В Загоринах точно есть. На Светлой воде есть, я почти уверен. А у тебя... – Он провел ладонью по бритой голове. – У тебя, наверное, тоже можно что-то такое организовать. Рядом с пансионатом недавно поставили новую вышку связи. Раньше мобильники работали через раз, а сейчас – красота! Даже в охотничьем домике моем теперь сеть ловит. Прогресс! – Про прогресс он сказал без иронии – с гордостью. Он и в самом деле считал наличие устойчивой мобильной связи великим достижением. А Нина думала, что раз есть мобильная связь, то будет и мобильный интернет. Значит, можно как-то подстроиться, что-то решить с работой.

Она занималась техническими переводами и приличную клиентскую базу наработала себе еще несколько лет назад. Когда на руках у тебя такой ребенок, как Темка, фриланс и возможность работать дома – это великое благо. Вот сейчас она немного передохнет, придет в себя после всего случившегося и выйдет на связь с постоянными клиентами. Еще одно преимущество работы через интернет – возможность полного исключения личных контактов.

На самом деле контактов этих у Нины было не так и много. Вернее сказать, почти и не было. Все прежние контакты как-то мягко и незаметно обрубил Игорь, а новыми Нина не обросла. Теперь ей казалось, что это даже к лучшему, найти ее окажется тяжело. Ни родных, ни друзей. Так уж вышло.

Она уничтожила симку сразу, как только выдалась такая

возможность. Чтобы больше никто и никогда не позвонил ей по тому номеру, чтобы никто и никогда не нашел их с Темкой. Имелась запасная. Нина завела ее несколько лет назад специально для работы с клиентами. Некоторые из них предпочитали телефонное общение сетевому, а смешивать личное с рабочим Нине не хотелось. Постепенно ей удалось перевести в онлайн даже тех своих клиентов, которые считали себя махровыми ретроgrадами. Революция в умах произошла, а запасная симка осталась. Нина собиралась отказаться от запасного номера, но все как-то забывала. А теперь вот выяснилось, что номер этот стал не просто запасным, а спасательным. И самое главное, знали о его существовании единицы. А о существовании тех, кто знал, вообще никто не догадывался. Во всяком случае, Нина очень на это рассчитывала.

– Ну, последний рывок! – прервал ее воспоминания Яков. – Затариваемся провизией и снова по коням!

Он остановил «уазик» на просторной парковке перед «Стекляшкой», прямо напротив автоматических дверей.

– Почему он так называется? – спросила Нина.

– По старой памяти. – Яков выбрался наружу и тут же закурил. – Раньше здесь был колхозный магазинчик, алкаши местные его называли «Стекляшкой». Магазинчик давно снесли, а название осталось. Вы идите, а я тут... – он сделал глубокую затяжку, – докурю и за вами.

После жаркой, пахнувшей плавящимся асфальтом парков-

ки «Стекляшка» казалась настоящим оазисом кондиционированной прохлады. Здесь было не так многолюдно, как в «Радостях жизни», но покупатели все же имелись. Одни неспешно бродили с тележками между рядами с продуктами, вторые, в основном молодежь, сидели за столиками в уютном кафе, уткнувшись в мобильные телефоны. На черной, похожей на школьную доске белым мелом было аккуратно выведено «Бесплатный WF для посетителей! Спрашивайте пароль у Ксюши!» Ксюша, дама неопределенного возраста, дремала за стойкой с кофемашиной. Она была чем-то неуловимо похожа на тетку из билетной кассы, разве что вид имела более благостный. По Нине Ксюша мазнула лениво-равнодушным взглядом, который тут же сделался до крайности заинтересованным. Нина даже обернулась, чтобы увидеть того, кто сумел вызвать такие метаморфозы.

Метаморфозы вызвал вошедший в стеклянные двери Яков. Он осмотрелся, кивнул Нине, отпуская ее в свободное плавание по торговому залу, а сам неспешной походкой направился к стойке. И Ксюша, хранительница бесплатного вай-фая, тут же подалась к нему всем своим пышным телом. Было очевидно, что эти двое знакомы. Впрочем, пора привыкнуть, что в Загориных все друг друга знают. Такая уж тут жизнь.

Пока добирались от «Радостей жизни» до «Стекляшки», Нина успела составить в записной книге телефона список самого необходимого. Перечень получился длинный, зато им

с Темкой сейчас не нужно было в растерянности метаться между стеллажами, они действовали строго по плану, и тележка медленно, но верно снова наполнялась до краев. Когда список самого необходимого подошел к концу, Нина перешла к приятностям. Пачку молотого кофе и черный шоколад – себе, желатиновые конфетки и фруктовые йогурты – Темке.

А кофе захотелось вот прямо сейчас! Любого! Хоть растворимого, хоть из Ксюшиной кофемашины! Она не пила кофе трое суток и за водоворотом куда более неотложных и важных дел почти позабыла его вкус. А теперь вот почуяла доносящийся из кофейни аромат и потеряла самоконтроль.

Яков пил чай из высокой прозрачной чашки. Рядом с чашкой стояло блюдо с чем-то сдобным, на вид весьма аппетитным.

– Управились? – спросил он, оборачиваясь через плечо.

– Управились! У нас есть еще пять минут? – Нина усадила за стол Темку, сама уже собралась топтать к стойке с кофемашиной, но Ксюша ее опередила. Она выплыла в зал, неспешно и выразительно покачивая бедрами, остановилась перед Яковым.

– Да хоть пятнадцать! – Яков отвечал Нине, но смотрел на склонившуюся над ним Ксюшу. Ксюша умела склоняться так, чтобы декольте ее оказывалось прямо напротив глаз клиента. Наверное, это как-то способствовало продажам, потому что Яков тихо, словно в состоянии сомнамбулизма,

спросил: – Что вам заказать?

– Мы сами. – Ксюшино декольте не оказывало на Нину магического действия, зато исходящий от нее сладкий аромат кофе и сдобы очень даже!

– Мы сами с усами, – сказала Ксюша многозначительно и положила перед Ниной папку с меню. – Если на диетах не сидишь, советую венский пирог. Вообще-то, он яблочный, но довольно вкусный.

– Не сижу. – Ксюша нравилась ей все больше и больше. – Давайте венский пирог.

– А для малого у нас есть молочный коктейль и пончики. Будешь? – Теперь Ксюша смотрела на Темку, словно оставляла за ним право самому делать выбор и заказ. Темка кивнул. Темка хотел молочный коктейль и пончики!

– Пить будешь кофе. – Она не спрашивала, она утверждала. Наверное, прочла ответ в голодном Нинином взгляде. – Если подождешь, сделаю по-турецки.

– Я подожду, – ответила Нина почти с благоговением.

– А тебе, Яша, повторить? – Декольте снова с вызовом качнулось перед загорелым и чуть смущенным лицом Якова.

– А мне, Ксения, повторить! – Он одним махом допил свой чай и осторожно поставил чашку на край стола. – Выпечка тут – пальчики оближешь! – сказал, провожая задумчивым взглядом удаляющуюся Ксюшу. – Генка кондитера аж из области переманил. Кондитер уже в летах, на пенсии. Генка ему домик в Загоринах снимает. Так чего бы не пора-

ботать, когда полный пансион и работенка непыльная?! Скажи?

Нина вежливо кивнула. Она не думала, что работенка у неведомого кондитера была такой уж непыльной. Если только в сравнении с работой самого Якова.

– А Ксения тут хозяйничает с самого открытия. Она еще в прежней «Стекляшке» работала продавщицей, а это, я тебе скажу, не фунт сахара. Особенно когда по пятницам мужики за выпивкой валят со всякими своими... – Яков поморщился, – непотребствами. Но у Ксении не забалуешь. – Морщины разгладились, Яков даже лицом посветлел. – Рука у нее тяжелая.

Нине вдруг подумалось, что тяжесть Ксюшиной руки Яков испытал на собственной шкуре. И не только это.

А Ксюша уже возвращалась с подносом, уставленным десертами и напитками. Она ловко сгрузила все это на стол, махнула рукой и снова уплыла к стойке, где готовился Нинин кофе по-турецки. А пока готовился кофе, Нина откусила от венского пирога. Ни на какие особые изыски она не рассчитывала, а зря. Пирог был великолепен – настолько хорош, что Нина сразу поняла, почему Геннадий взял кулинара из области на полный пансион.

– Ну как? – Ксюша поставила перед ней чашку дымящегося, по виду густого и очень крепкого кофе, сама уселась рядом с Яковым, подперла кулаком румяную щеку.

– А можно с собой? – спросила Нина с полным ртом.

– Всенепременно. – Ксюша усмехнулась. – Сколько кусков? И сколько пончиков?

Пончики уплетал Темка. Вид у него был совершенно счастливый. А над верхней губой белели «усы» от молочного коктейля.

– Много! – выдохнула Нина и потянулась к кофе.

Кофе был таким же волшебным, как и венский пирог. Не какой-то там эрзац из не пойми чего, а самый настоящий! Такой кофе влюбляет в себя с первого глотка и остается в сердце сладкой ностальгией. Такой кофе невозможно забыть. И тем удивительнее повстречать его в этой глуши.

– Наш человек, – сказала Ксюша, наблюдая, как Нина щурится от удовольствия. В голосе ее послышалось одобрение, словно бы Нина только что прошла какой-то очень важный кастинг. – Я это сразу поняла. Откуда они такие? – Теперь Ксюша смотрела на Якова, с любопытством смотрела. – Дачники?

– Дачники, – повторил Яков не то с сомнением, не то с неохотой. – На Темной воде у них дача.

– На Темной воде?.. – Ксюша перевела заинтересованный взгляд на Нину. – Тот самый дом?

– Тот самый. – Яков кивнул.

– А что с ним не так? – Нина почувствовала если не подвох, то уж точно какую-то напряженность. Она возникала сразу, как только речь заходила о Темной воде и об их с Темной доме.

– Она не знает? – Ксюша бросила быстрый взгляд на увлеченного пончиками Темку и сказала: – А давай-ка, малой, я тебе раскраску дам! И вон туда иди, к окошечку, там по светлее будет.

Уже через минуту Темка с раскраской и цветными карандашами был передислоцирован за соседний столик, а Нина затаилась в ожидании информации, которая не годится для детских ушей.

– Ксения... – произнес Яков скорее устало, чем предупреждающе.

– Что – Ксения? – спросила Ксюша строго. – Она ж с дитем! Может, еще и не поздно. Хотя не уверена... дачный сезон уже начался.

– Не поздно для чего? – Нина вцепилась в столешницу, подалась вперед.

– Для того, чтобы переехать.

– Я что-то не знаю? – спросила Нина шепотом.

– А что ты вообще знаешь? – Ксюша снова подперла щеку кулаком. Вид у нее был сосредоточенный.

– Про дом?

– Про все.

– Ничего.

Забавный у них получался разговор. Может, тут, в Загоринах, так принято?

– Я бы сам рассказал, – подал голос Яков.

– Ты бы рассказал, – Ксюша кивнула, – лет через десять.

– У меня ребенок, – заявила Нина с нажимом. – Если с этим домом что-то не так, я должна знать.

– С этим домом все не так. – Взгляд Ксюши потемнел, как небо перед грозой.

– Вам нечего бояться. – Яков сдернул с переносицы свои «авиаторы», с непонятной злостью швырнул их на стол. – Шипичиха так сказала.

– Ну, если Шипичиха сказала... – Ксюша поморщилась. – А откуда Шипичихе знать?

– Оттуда! Дом этот Нина унаследовала. Понимаешь?

– От кого унаследовала? – Теперь уже Ксюша подалась вперед.

– От матери, – пояснила Нина. – Я унаследовала этот дом от своей мамы после ее смерти.

– Вот, значит, как... – Ксюша вздохнула.

– Вот, значит, так! – Яков поморщился. – Темная вода ей не страшна.

– А кому страшна? – К раздражению прибавилась тихая паника. В какое место она привезла своего сына?

– Да никому не страшна! – выпалили Яков с Ксюшей разом, словно за доли секунды успели что-то решить и сговориться. – Давно все это было. Было и быльем поросло, – добавил Яков.

– Хватит! – Нина хлопнула ладонью по столу, а потом испуганно покосилась на Темку. Темка был увлечен раскраской. – Я хочу знать.

– В этом доме произошло убийство, – сказала Ксения после недолгой паузы.

– Не в доме, – тут же одернул ее Яков. – Силичну на берегу озера нашли.

– Силична – это ведь прежняя хозяйка? – Нина помнила их недавний разговор. – А вы говорили, что она умерла.

– Не хотел пугать. – Яков пожал плечами. – Не умерла – убили ее. – Он понизил голос. – Пырнули ножом в сердце, а потом... Короче, пырнули ножом... – он замолчал.

– А вторая хозяйка? Что с внучкой стало?

– Вторая хозяйка? – Яков посмотрел на нее как-то странно, с удивлением. – Так Алена пропала. Сколько ни искали ее, так и не нашли. Даже на похороны бабушки не явилась. Уехала Алена, сбежала. Да ты, наверное, и сама это уже поняла. Может, свидетелем стала всего этого... убийства. Испугалась, наверное, и уехала.

Нина ничего не понимала. Ровным счетом ничего! Кроме того, что на пороге ее нынешнего дома почти двадцать лет назад произошло убийство.

– Убийцу нашли? – спросила она очень тихо.

– Нашли. Нашли и посадили. – Яков потемнел лицом и нервным каким-то движением нацепил очки. – На полную катушку раскрутили. Наверное, он уже и сгинул давно. А старушку убили не в доме! – добавил он с нажимом. – Это если ты таких вещей боишься или за мальчика переживаешь. И Шипичиха сказала... – Он замолчал, выбил из пачки сига-

рету, посмотрел на нее с досадой и сунул обратно. – Темная вода – это такое место...

– Какое?

Темная вода – темное место. Тишь да гладь да божья благодать. Вот только божья ли? На Светлой воде вон и пансионат, и кемпинги, и дачи – жизнь бьет ключом...

– Необычное, – заговорил Яков. – Ну, не то чтобы совсем необычное, просто тихое, безлюдное.

– Не такое уж и безлюдное, – покачала головой Ксюша. – Заселяют его потихоньку. Не загоринские, а городские, которые без этих... предрассудков. Сейчас, я слышала, такие места в моду входят.

– Какие места? – Нина махом допила свой кофе. Одно она для себя уяснила твердо: на Темной воде они с Темкой не единственные жилыцы, есть еще люди.

– С легендами и чертовщинкой, – сказала Ксюша тихо, а потом хохотнула как-то не слишком искренне и добавила: – Да ты не бойся, это все наши загоринские легенды, сказки для приезжих. Так сказать, для привлечения внимания и туристов.

– Что-то я не видела туристов на Темной воде.

– Еще увидишь. Егор Петрович Березин, это хозяин здешнего пансионата, мне тут за чашкой кофе рассказывал, что инвесторы к Темной воде очень даже присматриваются. Земля на берегу может так вздорожать, что о-го-го! – Ксюша закатила к потолку глаза. – А все эти страшилки специаль-

но, чтобы охотников до наших заповедных красот отпугнуть. Эх, хорошо говорил! Были бы деньги, сама бы кусок берега прикупила. Инвестировала бы, так сказать, в безоблачную старость.

Ксюша говорила бодро и уверенно, вот только Нина ей все равно не поверила. Не с того ведь начался разговор, а с того, что на Темной воде опасно. Сама же Ксюша так и сказала. Так что же заставило ее отказаться от своих слов? Что или кто? Может, Яков? Что она вообще знает про Якова? Да ровным счетом ничего и не знает. Доверилась незнакомцу. Сама доверилась и сына доверила...

Враз похолодели и руки, и губы, и воздуха стало не хватать. А боль, приглушенная Шипичихиным отваром, снова принялась вгрызаться в бок и ребра.

– А если Шипичиха сказала, – Ксюша посмотрела на Нину очень внимательно, словно только что увидела, – раз сказала старая, что дом вас примет, значит, так и есть. Шипичиха в таких вещах никогда не ошибается. Вот не люблю я ее! Вредная она! Как глянет, аж мороз по коже, но знает и умеет побольше многих. Сильнее ее, наверное, только Силична и была.

– Это та бабушка, которую убили? – спросила Нина, и Ксюша кивнула в ответ. – А чем она была сильнее? О какой вообще силе речь?

– О какой силе? – Ксюша усмехнулась. – Знахаркой она была. Ну, типа ясновидящей. Потому и жила в такой глуши,

чтобы не путались под ногами всякие любопытные. А Шипичиха наша у нее то ли в подружках, то ли на побегушках была. Кто сейчас правду скажет! Но шептались, что всему, что Шипичиха знает и умеет, ее Силична научила. Алена-то отказывалась бабкину науку принимать. Алена больше по шитью была да по всяким модным штучкам. Светлый ум, золотые руки. У нее не то что наши загоринские модницы отшивались, к ней из области клиентки приезжали.

В это Нина верила, помнила платья в шкафу и швейную машинку.

– И жили они по тем временам хорошо скорее не благодаря Силичны шаманствам, а благодаря Алениным рукам, ну и прочим талантам. – Эту последнюю фразу Ксюша произнесла каким-то странным тоном, словно бы с осуждением. А Яков, который, казалось, немного расслабился, вдруг сделался похож на взведенную пружину.

– Ксения, – сказал он так тихо, что Нина едва расслышала, – не говори того, о чем понятия не имеешь. Лучше помолчи.

И Ксюша, боевая, хваткая Ксюша, вдруг побледнела и обиженно замолчала. Вот только молчала она недолго, не выдержала, наверное:

– А кто вообще тогда разбирался, за что Лютаев все это сотворил? Может, и не за колдовство, а за Алену? За то, что держала девку в ежовых рукавицах...

– Ксения! – рявкнул Яков и рубанул кулаком по столу с та-

кой силой, что задрезбуждала посуда, а посетители кафе начали нервно оглядываться по сторонам. Темка сгреб раскраску и карандаши, уселся рядом с Ниной, испуганно сжал ее руку.

– Все хорошо, малой, – проговорил Яков виновато. – Я так... по неосторожности стол зацепил. – А потом продолжил с этой своей неискренне бодрой улыбкой: – Ну, давайте-ка по коням! А то мне еще генератор с насосом запускать! Работы – вал!

Ксюша тут же встала из-за стола, сказала деловым тоном: – Погодите, сейчас остальной заказ принесу.

Она вернулась через пару минут с доверху наполненными бумажными пакетами и чеком, положила все перед Ниной. Нина мельком глянула на чек, рассчиталась. К «уазику» шли молча. Так же молча перегружали на заднее сиденье продукты из тележки. Продолжать прерванный разговор при Теме никто не хотел, но Нина чувствовала – продолжению быть. Потому что родилось в душе подозрение... Не подозрение даже, а почти уверенность. Вот его она и должна была проверить.

К Темной воде вернулись в четвертом часу. Яков сразу отправился в сарай налаживать генератор, а Нина уложила сына спать. Он устал за этот наполненный событиями день и всю обратную дорогу зевал. Потому и уснул быстро, почти мгновенно. Темка уснул, а Нина, приоткрыв окошко в спальне, вышла к Якову. Он уже закончил возиться с генератором и теперь, сдвинув очки на лоб, внимательно читал

какую-то инструкцию. Наверное, к электронасосу. На Нину он бросил быстрый взгляд и снова углубился в чтение, всем видом давая понять, что разговоры разговаривать ему некогда. Но Нина была настроена решительно. Раз уж так вышло, что она стала хозяйкой этого дома, она имеет право знать правду.

– Силична... – Она уселась на старую, растрескавшуюся от непогоды колоду, требовательно посмотрела на Якова. – Она ведь была моей прабабушкой?

Все-таки он оторвался от инструкции, снова нацепил очки. Нине казалось, что так ему проще то ли смотреть на нее, то ли общаться.

– Силична – прабабушка, а Алена – мама?

– Ты очень на нее похожа. – Он кивнул. – Особенно когда в том платье... У нее всегда такие платья были красивые. И сама она... – Он усмехнулся, но как-то невесело. А Нине вдруг сразу все про него стало понятно. Когда-то давным-давно тогда еще юный Яков был влюблен в ее маму. Возможно, отголоски того чувства живы в нем до сих пор. А мама уехала. Бросила все – и дом, и швейную машинку, и нарядные платья – и уехала. Даже на похороны своей бабушки не явилась. И имя поменяла. Была Аленой, стала Еленой. Вроде бы то же самое имя, но другое. Почему она уехала? От чего бежала? Кого боялась? Она ведь боялась, потому что даже Нине, родной дочери, никогда не рассказывала ни про Загорины, ни про Темную воду, ни про дом, ни про... Ни-

ниного отца.

– Когда это случилось? – спросила она требовательно.

– Убийство? – Яков отложил инструкцию, закурил, словно занавесился от нее серой пеленой дыма. – Двадцать лет назад.

– Двадцать? – Нине тоже вдруг захотелось закурить. – Это значит...

– Это значит, что тебе тогда было сколько? Года три-четыре?

– Три. Мне было три года, и я жила с мамой и прабабкой в этом доме?

– Жила. – Яков кивнул. – Серьезная такая была, молчаливая. Почти такая же, как мальчонка твой.

Вот только она ничего не помнила из той своей жизни. Ничегошеньки! Три года – это ведь вполне осознанный возраст, хоть что-то да должно было сохраниться в памяти!

– А потом, когда весь этот ужас случился, вы исчезли. Ты и Алена. Словно сквозь землю провалились.

– Или под воду.

– Почему под воду? – спросил он удивленно.

– Потому что тут больше воды, чем земли. – Нина посмотрела на темную озерную гладь.

– А... – Яков усмехнулся, пыхнул сигаретой. – Вас искали тогда. Грешным делом думали, что и вас Серега того... убил. А оно вот, выходит, как. Живые. – Он помолчал, а потом с тоской добавил: – Были живые.

– Она мне не рассказывала ничего. Ни словом не обмолвилась об этом месте. Я вообще не знала о его существовании.

– Я бы своему ребенку о таком тоже рассказывать не стал. – Яков загасил сигарету, встал на ноги. – Пойдем-ка к колодцу, проверим нашу чудо-технику.

Колодец находился за домом, Нина уже успела зачерпнуть из него воды привязанным на цепь цинковым ведром. Ей показалось, что он не очень глубокий. Во всяком случае, эхо ее голоса гасло довольно быстро, а не падало камнем на темное дно, да и цепь оказалась короткой, всего метров пять длиной. Он был сложен из поросших мхом камней и укрыт от непогоды тяжелой деревянной крышкой. А вода из колодца была вкусной и такой холодной, что ломило зубы.

С насосом Яков разобрался быстро. Погрузил, подключил, сделал пробный запуск и уже в доме велел Нине:

– Ну, хозяйка, включай!

Нина с каким-то детским трепетом повернула кран над мойкой. Мгновение ничего не происходило, а потом дом словно бы вздрогнул, загудел всем своим нутром, и из крана хлынула вода, сначала мутная и ржавая, а следом ледяная и прозрачная.

– Ну вот, – сказал Яков удовлетворенно. – Хорошо, что с трубами все в порядке. Иди проверь туалет и ванну.

Нина проверила. Вся сантехника работала исправно. Возможно, ее даже не придется менять в ближайшее время. А с

бойлером и интернетом станет совсем хорошо. Дом, милый дом! Странно только, что она его совсем не помнит.

Закончив с делами, Яков уехал как-то слишком поспешно, даже отказался от на скорую руку приготовленного Ниной обеда. Словно боялся дальнейших расспросов. А может, и боялся. Все они тут чего-то боялись. Понять бы еще, чего. Она пообещала себе разобраться. Это ведь важно – узнать о своих корнях, понять, как глубоко они проросли. Понять, куда вообще проросли. Прабабушка – ясновидящая, а мама отказалась от дара. Сказка... Темная сказка на Темной воде. Интересно и немного жутко. Или жуть эту Нина привезла с собой, прихватила из прошлой жизни, которую теперь так старалась забыть? О прошлой жизни ей еще предстояло хорошенько подумать, решить, как лучше поступить. Она уже почти решила, теперь оставалось решиться...

Остаток дня прошел в обычных бытовых хлопотах. Нина продолжила уборку, до блеска вычистила всю сантехнику, заменила в спальне тюль на купленные в городе шторы, выстирала, высушила и застелила плед. Получилось красиво и уютно. А если поставить в тяжелую хрустальную вазу луговые цветы, будет вообще хорошо. Жизнь налаживается. Ну, по крайней мере, Нина пыталась ее наладить.

А ближе к вечеру Темка потянул ее к озеру купаться. Несмотря на то что лето началось, вода в озере оказалась теплая, как парное молоко, и нырнуть в нее на исходе знойного дня было бы замечательно. И не беда, что нет купаль-

ника. Сгодятся шорты и топ, а купальник можно купить в «Стекляшке» или, на худой конец, заказать через интернет.

– Темка, стой тут, – велела Нина сыну, медленно и осторожно заходя в воду. – Я проверю дно, а потом возьму тебя с собой.

Дно было замечательное. Крупный белый песок и никакого ила, никаких водорослей. Пологий спуск, без ям и обрывов. Глубина начиналась лишь метрах в семи от берега. Какая глубина, Нина проверять не стала. Вернулась за сыном. – Пойдем, Темка!

Они купались долго, до изнеможения. У Нины изнеможение наступило быстрее, она выбралась на берег, уселась прямо на песок, зорко наблюдая за резвящимся на мелководье сыном. Темку нужно научить плавать. Сама она плавала неплохо, но как такому научить, не знала.

После купания в озере пришла пора купания в ванне на львиных лапах. Нина загодя нагрела воды, ополоснула Темку, ополоснулась сама. Синяки на ребрах и животе становились все ярче, все страшнее, но боль почти прошла. Может, от времени, может, от Шипичихиного отвара, а может, от целебной темной воды. Интересно, если провести аналогию с живой и мертвой водой, в их озере она какая? Нине хотелось бы, чтобы живая, но за время купания на мелководье она не заметила ни одной рыбешки, ни одного малька, ни двустворчатых ракушек, которых всегда полно на дне рек и озер. И птиц... Кажется, птиц на озере она тоже ни разу

не видела. Интересно, кто же это тогда был ночью? Всплеск чьих плавников, лап или крыльев она слышала? Наверное, можно спросить у Якова. Он должен знать, какая живность водится в Темной воде и окрестностях. Она и спросит. Вот Яков завтра придет устанавливать бойлер, она и спросит.

Темка уснул быстро. В этом доме, в этом месте он засыпал почти мгновенно, а в городе его приходилось иногда по часу укладывать. Такая вот целительная сила свежего воздуха! Сама Нина так рано ложиться спать не планировала. Имелся бы интернет, села бы за работу, чтобы хоть как-то отвлечься. Но интернета не было, и оставались книги. Благо в старом доме нашлось много книг! Она выбрала не глядя. Просто протянула руку и взяла книгу. «Дикая охота короля Стаха» Владимира Короткевича. Короткевича любила мама, у них было полное собрание его сочинений. «Охоту» Нина прочитала, наверное, в классе восьмом. А теперь, похоже, придется перечитывать.

Она сидела на террасе под зажженной лампой. На столе лежала книга, стояло блюдо с куском Ксюшиного пирога и дымилась чашка кофе. Нина не верила в предрассудки и кофе на ночь пила смело. Она вообще старалась быть смелой. Ну, насколько это вообще возможно в сложившихся обстоятельствах. Если разделить свою жизнь на «до» и «после», то «после» получалось вполне себе мирным и по-дачному спокойным. Даже несмотря на услышанную утром страшную историю. Ее мама любила повторять: «Не бойся, Нина, мерт-

вых. Мертвые уже не обижают. Бойся живых». Тогда Нине это утверждение казалось весьма сомнительным. Мертвых бояться все, потому что они мертвые. А живые обычно добрые. Были добрыми в Нинином детстве. Кто ж знал, что мама окажется права? И кто ж знал, что читать «Дикую охоту короля Стаха» в полной тишине под яркими, как лампочки, звездами – это совсем не то, что читать ее дома, лежа на кровати в уютном свете ночника. Эта нынешняя «Охота» казалась куда страшнее и куда реальнее той, из детства. Настолько страшнее и настолько реальнее, что Нина отложила книгу. Все, ночь на дворе. Завтра много дел, нужно ложиться спать.

Она подошла к тому краю террасы, что нависал над водой, перегнулась через перила, всматриваясь в темноту и вслушиваясь в тишину. Ничего. Ни единого всплеска. Вот и хорошо.

А дверь Нина закрыла не только на ключ, но и на массивный засов. Разумная предосторожность не повредит. Стоило только переступить порог спальни, как захотелось спать. Сил хватило лишь на то, чтобы поправить подушку под головой у Темки и закрыть платяной шкаф. Подумалось вдруг, что неплохо бы занавесить зеркало, нехорошо, когда в нем отражается кровать. Кажется, это из фэншуй или еще из какого восточного учения. А потом почти сразу подумалось, что зеркала занавешивают, если в доме есть покойник. Эта мысль была ленивой и совсем не страшной. Она блеснула серебряной искрой и исчезла в темноте, а Нина скользнула за

ней следом, прямо в темный, глубокий сон.

Во сне ее гладили когтистые руки, сначала по волосам, потом по плечам. Во сне пахло псиной и было жарко. Нина ворочалась с боку на бок, пытаясь ускользнуть от этой назойливой ласки. Какое-то время у нее получалось, а потом вдруг стало больно. Коготь, черный и длинный, не то звериный, не то птичий, не то человеческий, вспорол ей плечо, отворяя кровь и выпуска на волю крик.

С криком Нина и проснулась, как из омута, вынырнула из кошмара и тут же зажала рот рукой, чтобы не напугать Темку. Даже во сне она помнила, что Темку пугать нельзя. И кричать нельзя ни в коем случае, как бы ни было страшно, как бы ни было больно. Однажды у нее получилось. Получится и сейчас.

Вот только некого оказалось пугать. Некого! Темы не было ни в постели, ни в комнате. Сквозь новые занавески в дом просачивался мутный, щедро перемешанный с темной свет. Рассвет еще только-только начинался, он привел с собой туман и сырость. А еще страх!

– Тема! – Нина закричала во весь голос. Закричала так громко и отчаянно, что старый дом содрогнулся.

Не переставая звать сына, она заглянула сначала под кровать, потом в раскрытый – снова раскрытый! – шкаф. Потом выбежала в коридор, включила свет во всех комнатах, даже кладовой. Темы в доме не было. Темы в доме не было, а входная дверь оказалась открыта. Даже тяжеленный засов,

который и сама-то Нина задвигала с трудом.

Задыхаясь от ужаса, она выбежала на террасу, заметалась перед домом, хотя разумом уже давно поняла – искать нужно у воды, у проклятой Темной воды! А перед этим придется замолчать. Чтобы услышать тишину. Чтобы по всплеску, шороху, всхлипу понять, где ее маленький сын. Замолчать было тяжелее всего. Крик рвался из горла вместе с паникой, тянул Нину за собой словно на аркане. К воде тянул.

Вода и привела ее в чувство. Она обожгла холодом стопы, заставила захлебнуться собственным криком, замереть от пробежавшей по всему телу судороге.

– Тихо, – сказала Нина свистящим шепотом. Кого уговаривала? Кого заговаривала? Себя или темную воду? – Тихо...

Вокруг и в самом деле было тихо. Тихо и темно. Но это была не полуночная крошечная темнота. В мгlisto-серой темноте виднелись тени прибрежных кустов, а старый дом казался средневековым замком. Где-то в этой темноте был ее маленький сын...

Вдох-выдох... Затаить дыхание. Зажмуриться крепко-крепко, а потом широко раскрыть глаза. Смотреть и слушать! Слушать этот пропитанный туманом воздух, этот тихий плеск волн, этот похожий не то на рык, не то на стон звук...

Нина дернулась, вытянулась в струну, всем телом развернулась на звук. Он шел не с берега, а от воды, где-то далеко

от берега, если верить слуху, если туман и мгла не обманывают.

– Тема! – Она бросилась в воду, уже не замечая холода. – Тема, я сейчас! Я плыву к тебе, сынок!

Она сделала несколько шагов, а потом коварное дно ушло из-под ног, потянуло Нину за собой. Но что такое пучина по сравнению с тем ужасом, который жил сейчас в ней?! У нее хватило и сил, и ярости, чтобы вырваться из чьих-то невидимых объятий, голыми руками разорвать не то водоросли, не то старую рыбацкую сеть.

– Темочка!

Она плыла, почти ничего не видя перед собой, ныряла и выныривала. Из мглы крошечной попадала в мглу туманную и, сжав зубы, плыла на этот странный, пугающий звук. А потом увидела...

...Оно метнулось к берегу черной, как сама ночь, тенью. Длинное, гибкое... Не зверь и не рыба. И уж точно не человек... Оно бросило в воде свою добычу и нырнуло под воду. А Нина нырнула к оставленной добыче. К своему маленькому сыну нырнула.

И успела. Подхватила под мышки, развернула белым, как луна, лицом к небу, заглянула в широко раскрытые глаза.

– Темочка, я здесь! Все будет хорошо!

А будет ли? Как так вышло, что она потеряла берег? Словно это не озеро, а бескрайнее море. Словно их с Темкой несет невидимое подводное течение. Тянет, закручивает... И та

странная тварь, черная тень в темной воде, как акула, кружит поблизости. Нина не столько видит, сколько чувствует ее присутствие, чует запах крови и мокрой шерсти. А со дна – если здесь вообще есть дно – на поверхность поднимаются пузырьки воздуха, сначала пузырьки, а следом за ними и тот, кто их выдохнул, всплывет, распластается на поверхности синим, распухшим от воды телом, посмотрит на них с Темкой невидящим темным взглядом и...

И она проснется! Потому что такого, вот всего этого не может быть на самом деле! Это продолжение кошмара, нужно только проснуться!

Нина и проснулась бы, если бы не Темка в ее немеющих от холода и усталости руках. Потерять ребенка она не имела права даже в кошмаре. Значит, придется бороться до конца. Отбиваться и от твари, и от того, кто еще не поднялся на поверхность, но чье присутствие она чувствует не то что кожей – кончиками волос!

Нина приготовилась бороться, глотку приготовилась перегрызть любому, кто посмеет к ним сунуться. Они еще не знают, с кем связались!

Сунулся. Кто-то хитрый и беспощадный напал не из воды, а сверху, схватил визжащую, отбивающуюся Нину за плечо, схватил ко всему равнодушного Темку, потащил. Он оказался ловким и сильным. Его силы хватило, чтобы швырнуть их на дно лодки, навалиться на мечущуюся Нину всем своим невыносимо тяжелым телом. Его вероломства хватило, что-

бы рывкнуть прямо ей в ухо:

– Да уймись ты, чокнутая! Дай на мальчика посмотрю!

В этом сиплом от злости и натуги голосе было столько человеческого, что Нина перестала отбиваться. Они больше не в воде, они с Темкой в лодке, в безопасности. Вот только в безопасности ли?..

Он крепко, локтем и, кажется, коленом прижимал ее ко дну, контролировал каждое движение. А второй рукой он держал Темку. Не так грубо, как ее, а бережно придерживал за плечи.

– Ну, – спросил злым шепотом, – успокоилась?

Ей удалось только захрипеть с отчаянием пойманного зверя. Но он все понял, этот неведь откуда взявшийся посреди озера бородатый мужик. Он ослабил хватку, но когда Нина бросилась к сыну, мягко, но настойчиво ее придержал.

– погоди, – рывкнул через плечо и перевернул Темку лицом вниз.

Ей хватило здравомыслия понять, что такое он делает с ее сыном. Здравомыслия хватило, а сил нет. К Темке и незнакомцу она ползла на коленях, и дно моторной лодки казалось ей бесконечным, как лента Мебиуса. А потом она услышала кашель и громкий плач.

– Живой, только воды нахлебался, – сказал незнакомец и аккуратно положил Темку прямо перед ней.

Ее слез, наверное, хватило бы, чтобы это проклятое озеро вышло из берегов. Ее смешанной с ужасом ярости хватило

бы, чтобы превратить его в кипящий котел, но сейчас она хотела только одного, она хотела быть со своим сыном.

Темка перестал плакать почти сразу, как оказался в ее объятьях. Теперь он протестующе мотал головой, не давая Нине себя осмотреть.

– Обалдеть... – слышалось над ухом. – Ты с ума сошла, тетя? Это ж надо додуматься – заплывать с ребенком так далеко посреди ночи!

Она не заплывала. Ей еще предстоит выяснить, как Темка оказался в воде. Но ни отчитываться, ни оправдываться перед этим косматым мужиком она не станет. Ей бы на берег. Им бы обоим на берег... А дальше она со всем разберется. Она привыкла со всем разбираться.

– Натё. – Он накинул ей на плечи свою куртку. Куртки хватило, чтобы ее лапами укрыть еще и дрожащего от холода Темку. Нину тоже трясло. Не то от холода, не то от пережитого. Нужно успокоиться. Как там говорил Яков? Было и былём поросло. Поросло. Только не былём, а водорослями. Все озеро, от дна до поверхности. Это ей раньше казалось, что вода чистая. Темная вода не может быть чистой.

А незнакомец завел мотор, и предрассветную тишину нарушил громкий рев. Лодка летела к берегу, вспарывая острым носом густой туман. В тумане этом у самого берега Нине почудилась длинная тень. Тварь, что напала на ее сына, выбиралась из воды. Сначала на четырех лапах, а потом, кажется, на двух... К горлу подкатил колючий ком, Нина пере-

весилась через борт замершей у деревянного пирса лодки.

...Легче стало минут через пять. Но к ознобу теперь присоединилась невероятная слабость. Если бы не незнакомец, который придерживал одной рукой ее, а второй держал за руку Темку, Нина, наверное, потеряла бы сознание. А так приходилось идти, путаясь в подоле мокрой ночнушки, кое-как переставляя налитые свинцом ноги, видя перед собой только деревянные доски пирса.

Он привез их не к ним, а к себе домой. Нина поняла это, как только закончился пирс. Перед ней оказался одноэтажный сруб, сложенный в нарочитом рустикальном стиле. Новый, массивный, с панорамными окнами от потолка до пола, с огромной, переходящей в пирс террасой. Подумалось вдруг, что панорамные окна в здешней глуши – глупая блажь, их разобьют мародеры сразу же, как только дом останется без хозяев. А это и произойдет. Ведь никто в здравом уме не станет жить у Темной воды круглый год.

Незнакомец между тем уже возился с замком. Темку он по-прежнему крепко держал за руку, а Нину аккуратно при-тулил к теплой, вкусно пахнущей деревом и лаком стене.

– Куда? – спросила она шепотом.

– Туда, – ответил он так же шепотом. – Сейчас отогреемся, а там решим, что с вами делать.

– Ничего... – Вот так бы и остаться у этой спасительной стены, чтобы ни о чем не думать, ничего не предпринимать. – Ничего не надо с нами решать.

– Угу. – Он открыл плечом дверь, а потом толкнул Нину в дом. Ей показалось, что толкнул, а на самом деле почти заволок. Не держали ее ноги. Совсем не держали... – Вот и сходил на рыбалку! – В голосе была досада. Нина незнакомца понимала, не на такой улов он рассчитывал.

А под потолком уже загорелась кованая люстра, освещающая внутренности чужого дома. Стилизованные под старину, но все равно новые внутренности. И хозяина дома люстра тоже осветила.

Высокий, здоровый, как медведь, и такой же косматый. Это там, на озере, ей показалось, что он старый. На самом деле не старый, совсем не старый, просто кажется таким из-за черной разбойничьей бороды. Оказывается, бороды бывают разными, вот, к примеру, окладистые, как у батюшек, или тонкие псевдобуддистские. А у этого – разбойничья. И взгляд черных глаз тоже разбойничий: тяжелый и пристальный. Такой пристальный, что от него хочется заслониться рукой, а еще лучше забиться куда-нибудь в дальний угол. Наверное, бородачу не нравится лужа, что натекла с подола ее ночной сорочки... Или выглядывающая из-под охотничьей куртки сорочка... Или сама Нина в сорочке... Или что ему не нравится? Ему ведь точно что-то очень не нравится, оттого он и хмурит черные брови. А ей плевать! Они тут всего на пару минут! И вообще не по своей воле.

– Тема, ты как? – Нина присела перед сыном, всмотрелась в лицо. – Тема, ты зачем это сделал?

Он не скажет. Никогда не говорил и сейчас не скажет, не сумеет объяснить, как, а главное, зачем оказался посреди озера. А про тварь в воде вообще лучше не спрашивать. Да и была ли она? Может, почудилась?

Тема мотнул головой, и с его мокрых волос во все стороны полетели холодные брызги. Бородатый разбойник хмыкнул и отступил на шаг. А Темка разжал сжатые в кулак пальцы. На его ладони лежал клочок сизой шерсти. Нину замутило.

– Что это, Темка? Откуда у тебя... это?

Темка вздохнул, спрятал руку за спину, а потом вдруг совершенно отчетливо сказал:

– Сушь.

– Что?.. – Она медленно опустилась на лакированный дощатый пол, прямо в натекшую с ее сорочки лужу. – Темочка, что ты сказал?

Темка молчал, прятал руку за спиной, словно боялся, что Нина отберет у него эту... мерзость.

– Сына, что ты сказал? – Голова кружилась, а вслед за ней кружились золотые блики от кованой люстры.

– Он сказал – сушь. – Бородатый возвышался над ними темной горой. Стоял, наблюдал, хмурился.

– А... что это? Как это вообще?..

– Не знаю. – Он пожал широкими плечами. – Тебе виднее.

Ей не виднее! Ни капельки не виднее! Потому что вот эта странная нелепица – первое слово, произнесенное ее сыном за почти четыре года жизни. Но как такое объяснить незна-

комому человеку?! Да и зачем ему вообще что-то объяснять? Им домой нужно!

– Тема, нам пора! – Она взяла сына за руку, за ту руку, которую он не прятал за спиной.

– Куда? – спросил бородатый лениво. – Куда вам пора, когда вы оба мокрые и... жалкие?

Он сказал это как-то так, что сразу стало понятно: Темка – мокрый, а Нина – жалкая. А потом он положил лапищу ей на плечо, и она дернулась, уходя от захвата, собственным телом прикрывая Темку.

– Дурдом... – Он убрал лапищу и отступил на шаг, но взгляд его по-прежнему оставался тяжелым и очень внимательным.

– Сама... – сказала Нина шепотом. – Не надо меня...

– Ну, раз не надо, то не буду. – Он сделал еще один шаг назад. – Домой попретесь по росе и мокрые? Ты в ночнухе, а твой малой с этой хренью в руке? – Он сделал многозначительную паузу, а потом продолжил: – Или все-таки переоденетесь в сухое?

– У меня нет сухого. – А зубы уже предательски лязгали, и руки тряслись, как в абстиненции.

– Найдем. – Он больше не смотрел на них с Темкой, он о чем-то сосредоточенно размышлял. Размышления длились недолго. – Пойдем, покажу, где у меня тут душ.

...Да, с рыбалкой не сложилось.

Ловись, рыбка, большая и маленькая...

И закинул старик невод...

Тятя, тятя! Наши сети притащили мертвеца...

В голову лезла такая чудовищная хрень, что Чернов помимо воли нахмурился. А все потому, что сети притащили вот этих: девчонку и мальчонку. Это на озере, в темноте, он подумал, что тетку. Она орала благим матом, и он ошибся. А сейчас, при свете, отчетливо видел – не тетка, а девчонка. Мокрая, взъерошенная, с совершенно безумными глазами и такими же безумными поступками. А мальчонка, стало быть, сын. Нормальный такой пацан, по виду смышленный. Вот только в воду полез зря. Если, конечно, сам полез. Если не мамашка его в озеро затащила. Мамашки нынче всякие бывают. Повернутые на оздоровлении, повернутые на экологии, просто повернутые. Эта, похоже, просто повернутая. Или напуганная?

Это сначала Чернов подумал, что она чокнутая, а потом присмотрелся и увидел кое-что еще. Она боится. Это был какой-то глубинный страх, замешенный на чем-то реально опасном. И на мальчонку своего она смотрела как-то странно, словно видела впервые в жизни. Держала его цепко, обеими руками, в лицо заглядывала. А на руках – синяки. Не

сегодняшние, но еще довольно свежие. Характерные такие синяки... Впрочем, не его дело. Его дело эту утопленницу с малым обогреть, просушить по-быстрому и выставить за дверь. Рыбалка сорвалась, но день, возможно, еще не до конца потерян.

К ванной шли паровозиком: Чернов волок на буксире утопленницу, а утопленница, соответственно, малого.

– Давай, парень, ныряй первый, а я пока схожу вам за одежками! – Он старался говорить если не доброжелательно, то хотя бы спокойно. Малой не виноват, что у него мать с приветом. Может, и мать не виновата, просто уродилась такой... и все дела. – Полотенца там! – Он кивнул на стопку полотенец. – Можете не закрываться, я без стука не войду.

Она ничего не ответила. Кажется, она его даже не услышала. Ну, бывает.

Внутренности своего шкафа Чернов разглядывал долго и сосредоточенно. Нарядить требовалось не только мамашку, но и малого. Во что-то из его вещей нарядить. А вещи у него не на лилипутов шитые, если что. Выходило, что наряжать их ну совсем не во что. Если только закутать...

Для мамашки он пару минут выбирал между банным халатом и своей фланелевой рубашкой. Остановился на халате, потому что дама в рубашке чужого мужика – это как-то слишком. Рубашку, кстати, можно приспособить для малого. Рукава закатать или завязать на манер смиренной рубахи. Впрочем, это он зря. Малой ему нравился. Что это он

такое сказал?

Суть?.. Сныть?.. Сущь! Точно, сущь! Прикольное такое словечко. Наверное, какой-то детсадовский сленг. Странно только, что оно так возбудило его безумную маменьку.

К гостям Чернов вошел, как и обещал, со стуком. Малого уже поместили в ванну, и он, съезжившись, сидел под струями теплой воды. Рука его была по-прежнему сжата в кулак. Что парнишка там прятал, Чернов видел лишь мельком. Кажется, клок шерсти. А маманька стояла перед ванной на коленках, гладила малого по спине и плечам. На Чернова она бросила быстрый и виноватый взгляд.

– Он не хочет выходить. Простите.

– Ну, не хочет, пусть сидит. – Чернов тоже сел на тяжелый дубовый сундук, приспособленный под грязное белье. – С водой у меня перебоев нет. Как звать? – спросил просто так, из вежливости, а она так же вежливо ответила:

– Тема. Артемий.

– А тебя?

Вот по глазам, по диким, с болотной прозеленью глазам, было видно, как не хочется ей называть свое имя. Но назвала.

– Нина.

– Вадим. – Он подумал, стоит ли протягивать ей руку для рукопожатия, но решил, что не стоит. Чай, не на светском рауте. – Вадим Чернов. – С фамилией получалось официально и солидно. Можно было добавить Николаевич, но тогда, наверное, вышло бы совсем уж официально. – Ну, Нина, –

он уперся локтями в колени, подался вперед, – так что там у вас произошло?

И вот мелькнуло в этих глазах с прозеленью что-то такое яркое, такое отчаянное, что аж мурашки по хребту. Она ведь хотела рассказать. Хоть кому-нибудь, пусть даже ему, незнакомому мужику, рассказать, что произошло. Потому что случилось что-то из ряда вон.

Ясное дело, из ряда вон! Пацан чуть не утонул. Да и сама она тоже. Чернов полностью отдавал себе отчет в том, что эти двое едва не утонули прямо у него на глазах. Ну, может, не совсем на глазах. Но как она орала, он слышал очень хорошо. А до этого что слышал? Что-то необычное. То ли бульканье, то ли чавканье, то ли всплески. Местные рассказывали про гигантских щук, а еще про сомов, что водятся в Темной воде. Рассказывали рассказывали, а сами отчего-то не ловили. Вот Чернов и решил проверить, водятся или нет. И почти поймал... Русалку с детенышем.

А она все молчала. Гладила детеныша по спине, обдумывала.

– Я не знаю, – сказала наконец. – Я не знаю, что произошло.

Она не знает! А и то верно! Чего заморачиваться, выжили – и хорошо!

Чернов уже думал, что на этом и сказочке конец, но она вдруг снова заговорила:

– Мне снился кошмар.

Бывает. Даже ему иногда снится всякое. Особенно в этом доме. Наверное, из-за интоксикации кислородом.

– А потом мне вдруг стало больно, – сказала и коснулась правой рукой левого плеча.

Она так и не сняла его охотничью куртку. И теперь куртка вдобавок к озерной воде пропитывалась еще и паром. А на левом рукаве проступало бурое пятно.

Наверное, нужно было как-то деликатнее. Указать ей на этот конфуз, а потом по-джентльменски отвернуться, но он не был джентльменом, так с чего бы деликатничать? Чернов подался вперед и потянул куртку за ворот. Тянул вроде бы аккуратно, но моральные устои пошатнул-таки. Девушка дернулась, попыталась отбиться, а потом заметила кровавое пятно и отбиваться перестала. Замерла, как испуганный сурикат, и глаза точно так же выпучила. В них больше не было прозелени – в них клубился туман. Или пар, поднимающийся от ванны.

– Не бойся, я только посмотрю, – заверил Чернов официальным тоном. Когда он начинал говорить таким тоном, ему все и подчинялись. Вот она – магия слова. Девушка тоже послушалась.

Рана была глубокой. Словно бы от когтя. Такого приличных размеров когтя! Или от ветки. Или от какой-нибудь подводной коряги. Конечно же, от коряги! Откуда во всем этом благолепном месте взяться когтям? Но как бы то ни было, а рану нужно обработать и зашить. Потому что кровит она до

сих пор прилично.

– Сиди, – скомандовал Чернов все тем же официальным тоном и полез в аптечку за перекисью и остальным. В доме его это «остальное» имелось если не в избытке, то уж точно в недостатке. Главное, чтобы не сопротивлялась. И не бухнулась в обморок.

Когда он щедрой рукой лил перекись, она, крепко зажмурившись, молчала. По щекам ее катились крупные слезы, но ни звука не вырвалось из плотно сжатых губ. Наверное, боялась напугать малого. А вот Чернов смотрел. Очень внимательно смотрел. Синяки на руках, еще не старые, в самом цвету. Двигается осторожно, полной грудью не дышит. А когда он тащил ее в лодку, закричала. Тогда он решил, что от страха, а теперь понимал, что от боли. Потому что приложилась ребрами о борт. И если бы стащить с нее ночнушку – исключительно с диагностической целью, – на ребрах и животе тоже нашлись бы гематомы. Скорее всего. А рана на бицепсе вполне себе может быть от какого-нибудь металлического штыря или крюка. Кто рану нанес, уже другой вопрос. И Чернову, сказать по правде, не хотелось знать на него ответ. Его дело – первая медицинская помощь.

– Что это? – На шприц с лидокаином она посмотрела с опаской, через пелену слез.

– Рану нужно зашить, – сказал он своим особенным начальственным тоном.

– Ты врач?

– Нет, я швея-мотористка. Так мы шьемся или как?

Чернов уже решил, что она откажется, и почти смирился с этим ее решением, но она, глянув на рану, молча кивнула. Осталось, значит, еще здравомыслие.

Он шил быстро и аккуратно, старался не причинять лишней боли. Она терпела и молчала. Нормальная девица, можно в партизаны. Такая военную тайну не выдаст.

– Вот и все, – сказал он, придирчиво осматривая шов. Получилось недурственно.

– Выйди, пожалуйста, – попросила она, одергивая ночнушку. – Мне нужно... – Ей нужно писать заявление в полицию о домашнем насилии. Вот что ей нужно! – Привести себя в порядок.

– Приводи. – Чернов сунул пузырек с перекисью обратно в аптечку, кивнул на пристроенные на стиральной машине одежды. – Вот это тебе и малому. На первое время. Более подходящего ничего нет.

– Спасибо. – Она не смотрела ему в глаза. Наверное, поняла, что он тоже все про нее понял. – Мы быстро.

Они и в самом деле управились быстро. Вышли из ванной через пять минут, крепко держась за руки. Малой по-прежнему сжимал кулак и широко зевал. А Нина, его битая жизнью и, похоже, не только жизнью, маменька, была похожа на привидение.

– Мы сейчас уйдем, – сказала она не слишком уверенно. В его халат она завернулась, как в медвежью шубу, наружу

торчали лишь голова, кисти рук и босые ступни. Малой выглядел не лучше, подол фланелевой рубахи волочился вслед за ним по полу. Цирк уехал – клоуны остались...

– Уйдете, – пообещал Чернов. – Вот сейчас рассветет окончательно, и я сам вас отвезу.

Не стоило ждать рассвета. Разумнее было бы спровадить их сразу. Но что-то дрогнуло в каменном сердце Чернова. Наверное, стало жалко малого. Он же не виноват, что ему так не повезло с родителями. Кстати, на малом следов насилия он не заметил, хотя смотрел очень внимательно. Значит ли это, что папенька лупцует только маменьку, а дите не трогает? Или все это не его дело?

Конечно, не его! Милые бранятся – только тешатся... Бьет – значит любит. А что, если не только бьет, но и притапливает слегка? Так сказать, по большой любви?

– Так как вы оказались в озере? – Чернов остановился посреди кухни, кивнул на угловой диван. – Садитесь, я сейчас.

Он поставил на огонь чайник, вытащил из шкафчика бутылку виски. Плеснул в бокал себе, потом Нине.

– Ты проснулась от того, что тебя кто-то, – здесь он сделал многозначительную паузу, – поцарапал. И что? – Свой виски он выпил не по правилам, осушил залпом. Второй бокал протянул Нине. – Пей!

– Нет, спасибо. – Она замотала головой. Волосы ее уже подсохли и непослушными прядями лезли то ей в лицо, то за ворот его халата.

– Тогда чай. – Настаивать он не стал. – А для малого у меня есть яблочный пирог. Тебе, кстати, тоже могу предложить.

Она отказалась от пирога, но не отказалась от чая. Такая удобная гостья. Виски плюхнулся на дно желудка и растекся по организму расслабляющим теплом. Чернов устало взгромоздился на деревянный барный стул. Стул был самодельный, Чернов потратил на его сооружение целый день и очень им гордился.

– И? – спросил он, глядя на русалку с детенышем сверху вниз.

– И я поняла, что Темы нет ни в спальне, ни в доме. – Ее знобило, оттого речь получалась невнятная. – Я подумала, что он мог пойти к озеру, и побежала следом.

А любящий папенька что делал в это время? Где был? Интересно, если спросить, она ответит? Чернов был почти уверен, что промолчит. Они почти всегда молчат. Те, что посмелее и поотчаяннее, принимают удар на себя, как могут, защищают детей. А те, которые смирились... А про тех, которые смирились, Чернов даже думать не хотел. И вот эта история ему была по большому счету не интересна. Просто малого жалко.

А малой выглядел вполне себе бодрым и счастливым, в отличие от маменьки. Малой уже забыл свое ночное приключение и с интересом разглядывал кухню. И ведь даже угостить его нечем, кроме Ксюшиного венского пирога.

– ...Я нашла его в воде. А потом ты нашел нас.

Вот и сказочке конец, а кто слушал – молодец! Она нашла малого, Вадим нашел ее. Бабка за дедку, дедка за репку...

Не о чем говорить. Чернов с неохотой слез со своего са- модельного стула, заварил свежий чай, разогрел в микроволновке пирог. Пока разливал напиток по чашкам, с легким удивлением успел подумать, что Нина с малым не особо-то и спешат домой. Понравилось в гостях? Или страшно возвращаться? Он вздохнул. Последнее это дело – лезть в чужую семью, но малого жалко. И лучше бы убедиться самолично.

– А что это у тебя в кулаке, Артемий? – спросил он своим официальным тоном. Тон этот, оказывается, действовал не только на неразумных мамок, но и на их детенышей.

Артемий разжал кулак и положил на стол клок серебристо-серой шерсти. Со свистом втянула в себя воздух Нина, обеими руками вцепилась в ворот халата.

– У вас есть собака? – Клок Чернов разглядывал с интересом. Собака, похоже, старая и кудлатая, с репьями и колтунами.

– У нас нет собаки, – отчего-то шепотом сказала Нина. Лицо ее бледнело на глазах. Того и гляди бухнется в обморок. Чтобы не бухнулась, Чернов сунул ей бокал с виски. В терапевтических целях.

Она выпила виски залпом и даже не поморщилась. Потом осторожно, двумя пальцами, взяла клок, зачем-то понюхала и побледнела еще сильнее. А Чернов запоздало подумал,

что, возможно, она не совсем того... адекватная. Возможно, они с мальцом – адепты какой-нибудь секты. Про Темную воду местные рассказывали всякое, может, на берегах озера с прочей сказочной нечистью угнездились еще и сектанты? Может, он помешал какому-нибудь ритуалу на манер жертвоприношения? Понять бы еще, кто там был назначен жертвой: малец, его маменька или несчастная псина. Мысли эти казались такими дикими, что Чернов даже головой мотнул, прогоняя их вон. Точно отравился кислородом!

– Сушь! – сказал малец звонко и отчетливо. – Мама, сушь!

А мама вдруг уже не побелела, а позеленела лицом и разревелась.

Она редела взхлеб, зачем-то гладила малого то по щекам, то по рукам, заглядывала в глаза то ему, то Чернову и выглядела совершенно сумасшедшей. Чернов плеснул себе еще виски. Дурдом...

– Темка... – Она заикалась и имя сына от этого произносила, смешно растягивая звуки. – Темка, скажи еще что-нибудь.

А Темке, на минуточку, было годков так три или четыре – Чернов плохо разбирался в детях, – и Темка должен был уже вполне себе сносно изъясняться на человеческом языке.

– Сушь, – повторил Темка и заграбастал со стола то, что осталось от несчастной псины.

– Какое емкое слово! – заметил Чернов своим официальным тоном. – Твой сын будущий Белинский!

– Мой сын не разговаривал до сегодняшнего дня. – Она подалась к Чернову с такой страстной порывистостью, что он даже немного отстранился, в глазах с болотной прозеленью блуждали огни святого Эльма, делая ее похожей не просто на сумасшедшую, а на сумасшедшую ведьму. Голос ее упал до глухого шепота: – Я думала... мне сказали, что он не будет разговаривать, не сможет коммуницировать с другими людьми. Аутизм... Понимаете? За все эти годы я не слышала от него ни единого слова, а сейчас... – Она всхлипнула.

А сейчас малой произнес сразу два. Одно милое сердцу всякой матери, а второе какое-то несуразное, но тоже милое сердцу одной конкретной матери. Вот этой, которая цепляется в ворот рубахи Чернова и смотрит безумными глазами с прозеленью.

– Поздравляю, – сказал он вежливо. А что еще сказать в такой ситуации?

– Спасибо. – Она всхлипнула, размазывая слезы по худому лицу. – Ты просто не понимаешь, что это для меня значит.

Он не понимал. У него не было ни таких проблем, ни такого опыта. Но кивнуть на всякий случай стоило. Из вежливости.

– Темочка, – она потянулась к сыну, – Темочка, скажи еще что-нибудь. Ну, пожалуйста!

Наверное, Темочка решил, что для первого раза достаточно, поэтому протестующе мотнул головой. Тут Чернов испугался, что Нина снова разревется, только на сей раз не от

счастья, а от разочарования, но вместо этого она решительно поднялась с дивана и сказала:

– Спасибо, нам пора.

Ну, пора так пора! Кто ж будет возражать? Чернов тоже встал, выглянул в окно. С той стороны в дом уже заглядывал полноценный рассвет. Утро официально наступило.

– Я вас подвезу. Одежки ваши еще мокрые, – сказал он скучным официальным тоном, – поэтому поедете в том, что есть. Я потом заберу.

Не надо было про это «потом заберу». Перебился бы без халата и рубахи. На худой конец, новые купил бы. Но слово не воробей.

Из дома выходили в полном молчании. Нина все поглядывала на сына, с изумлением и радостью поглядывала. А Чернов вдруг подумал, что так и не разобрался с тем, что же приключилось с этими двоими. Теперь, наверное, разбираться уже и поздно.

На пирсе произошла заминка. Нина замерла на его краю как вкопанная, вцепилась рукой в деревянное ограждение. Бойтся – понял Чернов. Бойтся не только воды, но даже лодки. Значит, придется добираться по суше. Он, конечно, выпил аж тридцать граммов вискаря, но дорога вдоль озера шла одна-единственная, пользовались ею раз в пятилетку, так что ни машин, ни пешеходов, ни гаишников они по пути точно не встретят.

– Ясно, – сказал он многозначительно, а потом скомандо-

вал, ни к кому конкретно не обращаясь: – За мной, гости дорогие!

Его джип стоял за домом под навесом, заморачиваться в этой глуши с гаражом Чернову не хотелось, да и было откровенно лень.

– Располагайтесь! – Малому он открыл заднюю дверцу, а перед Ниной распахнул переднюю. Можно было обоих посадить сзади, но вышло как вышло. – Вы в старом доме поселились? – спросил он, заводя мотор.

– Да, – она кивнула.

– А когда?

– На днях.

– Значит, соседи.

Тут, на Темной воде, соседей вообще всего ничего. Потому Чернов и выбрал это место. После городской суеты захотелось уединенности и тишины. Чтобы птички, рыбки, русалки вот... Он искоса глянул на Нину. А она даже не заметила, пялилась в окно, словно пыталась что-то разглядеть в тумане. И кажется, разглядела.

– Ты его видишь? – спросила она таким странным шепотом, что Чернов сразу понял: если бы не малой, она бы заорала во все горло.

– Кого? – спросил он тоже шепотом и на всякий случай глянул поверх ее растрепанной макушки в боковое стекло.

Наверное, ему показалось. Или просто заразился от этой малахольной паранойей. Но что-то там, в лесной чаще,

определенно мелькнуло, какая-то длинная, серебристо-серая тень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.